

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ

ПРОКЛЯТИЕ ПУСТЫНИ

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Опасные тайны

Сергей Бакшеев

Проклятие пустыни

«Автор»

2008

Бакшеев С. П.

Проклятие пустыни / С. П. Бакшеев — «Автор»,
2008 — (Опасные тайны)

Таинственные события разворачиваются в степи рядом с юртой аксакала, которого считают колдуном. Современные преступления оказываются связанными с древней легендой о белогорбой верблюдице Шихе. Где грань между мистикой и реальностью? Хватит ли у обычного студента смелости, чтобы дойти до истины. Это второй роман серии «Опасные тайны Тихона Заколова».

© Бакшеев С. П., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Предисловие. Экспонат Британского музея	6
Глава 1. Происшествие, о котором нельзя докладывать	7
Глава 2. МиГ-25	8
Глава 3. Старое дело	14
Глава 4. Белогорбая верблюдица	15
Глава 5. Хасим	18
Глава 6. Схема местности	22
Глава 7. Сбор у института	25
Глава 8. Хасим. Маленький «дракончик»	28
Глава 9. Инопланетян нет!	31
Глава 10. Хасим. Осколок в голове	34
Глава 11. Странное место	37
Глава 12. Голос из темноты	43
Глава 13. Где Федорчук?	45
Глава 14. Хасим. Поход из Китая	48
Глава 15. Знакомство с колдуном	50
Глава 16. Охота на сайгаков	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Бакшеев

Проклятие пустыни

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие. Экспонат Британского музея

В Китайской экспозиции Британского музея в центре зала за толстым стеклом можно увидеть статуэтку необычной верблюдицы. Шерсть на ее горбах белая, голова задрана вверх, на морде застыла гримаса боли.

Что делает простая скульптурка среди величайшего собрания древних произведений искусства?

Внятного ответа вы не услышите.

Я проявил настойчивость, и меня соединили со старейшим служителем зала, давно находящимся на пенсии. Он припомнил, что с белогорбой верблюдицей связана удивительная легенда, но в чем ее суть, затруднился ответить.

– Кажется, ее зовут Шиха, – неуверенно произнес служитель напоследок, – и говорят, она до сих пор жива.

Так я убедился, что уже слышал историю этой верблюдицы. С ней до сих пор можно встретиться и изменить свою жизнь самым волшебным образом.

Однако прежде, лучше прочесть эту книгу. В ней я открою тайну, которую мало кто знает.

Глава 1. Происшествие, о котором нельзя докладывать

С аэродрома военный летчик Василий Тимофеев возвращался в глубоком смятении. Что с ним произошло во время полета? Столь странный отказ техники не описан ни в одном учебном пособии. Что он видел в степи?

Чертовщина да и только!

Как не крути, получается, что он заглянул в прошлое, где нет железных и автомобильных дорог, а по степи движется огромная армия средневековых воинов. Других объяснений не находилось.

Но этого не может быть!

А яма с драгоценностями? Испуганные люди в старинных одеждах? Они с ужасом смотрели на современный истребитель. И странная рыжая верблюдица с белоснежными горбами! Кто они? Откуда?

Большие пронизательные глаза белогорбой особо врезались в память полковника. В последнюю секунду перед чудесным спасением он смотрел в распахнутые ресницы верблюдицы, а не на приборы. И самолет, бесшумно зависший над степью, готовый рухнуть в любую секунду, вдруг ожил и заработал.

Как это объяснить?

Полковник понимал, что докладывать о происшествии нельзя. Ни в коме случае! Если все рассказать честно, его сочтут сумасшедшим.

Что делать? С кем посоветоваться?

Мысли путались, голова болела.

А всего час назад в жизни полковника ВВС Василия Тимофеева все было обыденным и понятным.

Глава 2. МиГ-25

Армейский «уазик» цвета хаки еще полностью не затормозил, въехав на аэродром, а командир эскадрильи сверхзвуковых истребителей-перехватчиков МИГ-25 Василий Тимофеев уже лихо выпрыгнул из машины. По ступенькам командного пункта застучали каблукки форменных ботинок.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – едва успев вскочить, приветствовал командира дежурный офицер старший лейтенант Епифанов.

– Привет, Слава, – коротко ответил Тимофеев, сдерживая радостную улыбку.

По бодрому тону полковника Епифанов понял, что неожиданный приезд не связан с непредвиденными осложнениями или внеплановой проверкой. Азартные искорки в глазах командира выдавали всплеск кипучей энергии, требующей немедленных активных действий. Епифанов догадывался с чем это связано, и что за этим последует.

– Вас можно поздравить, товарищ полковник? – лукаво поинтересовался он о том, что и так уже знала вся эскадрилья.

– Не меня, а мою дочь! Она, шалопутная, преподнесла нам внука. Сегодня из роддома забрали. А я что? Дедом стал. Тридцать шесть лет, а уже дедушка! Ну и дела...

Василий еще раз искренне удивился новому качеству. Подумать только – дедушка! Хотя, с другой стороны, у него с будущей женой Любой восемнадцать лет назад тоже все быстро получилось. По-армейски – с наскока, без разведки и осады.

Он тогда весной шестидесятого учился на первом курсе Саратовского высшего военно-авиационного училища, а Люба только школу заканчивала. Майское буйство природы, дурманящие запахи цветущей сирени, ситцевое платье на тонкой талии, измазанные мороженым пухлые губы, озорное любопытство в девичьих глазах, и в результате – вспышка оглушающей любви, как первый взрыв гранаты на ночных учениях. А дальше юношеский пыл и безрассудство сделали свое дело.

Оба были глупыми и неопытными. Пьянели без вина, только прикоснувшись друг к другу. Кончики пальцев по ложбинке позвоночника – дрожь, изгиб тела, сладкие губы и дыхание перехватывает теплый восторг. И у него, и у Любы все в первый раз было. В результате закономерный итог – рождение дочери.

Василий тогда и оценить и осмыслить ничего толком не мог. Все казалось несерьезным, будто не с ним происходит, а так, словно кино смотришь. Окунулся полностью, переживаешь, но сейчас экран погаснет, включат свет, можно будет встать и выйти, обо всем забыв.

Но нет, жизнь – не кино. На этом, как он позже понял, детство его закончилось и началась по настоящему взрослая жизнь. Ведь детство связано не с возрастом. Оно кончается, когда сам начинаешь решать собственные проблемы, а взрослым ты становишься лишь тогда, когда берешь на себя заботы и о других людях. У Василия эти два события случились одновременно.

Свадьбу играли, когда у жены пузо как надутое было – того гляди лопнет. Василий и вправду этого опасался. Уж так кожа растянулась на некогда стройной девушке, что казалось, пупок, который раньше представлял мягкую ямку, а сейчас топорщился пуговкой, вот-вот развяжется. Просто жуть было смотреть на растущий глобус в животе. И так все странно! Сзади посмотришь – даже талия видна. Спереди, особенно если издалека – лишь видно, что тяжело идти девчонке: лицо осунулось, ключицы торчат, и одежда на ней не в обтяжку, а слишком свободная, внизу балахоном висит. А сбоку взглянуть! Ну это кошмар! И как женщины носят такое?

– Свяжись с механиками, пусть подготовят моего ястребка, – приказал Тимофеев, забрасывая фуражку на шкаф. – Я пока переоденусь.

– Так точно, товарищ полковник, – отрапортовал улыбающийся Епифанов.

Напряжение, вызванное внезапным приездом командира, окончательно отпустило. Он был доволен, что угадал настроение начальства, сразу предположив, что полковник горит желанием вспороть тихое засыпающее небо мощной боевой машиной.

– А что в журнале записать? – осторожно поинтересовался старший лейтенант.

– Ну, как обычно. Тренировочный полет, проверка двигателей на разных режимах и высотах. И все прочее... Мне ли тебя учить?

Если все летчики эскадрильи летали строго по графику, то командир иногда себе позволял взлететь по велению сердца, для души. Такое настроение у него бывало довольно редко, и гонял он тогда послушную серебристую пташку на предельных режимах и высотах. Спецы, знающие толк в авиации, могли по достоинству оценить выверенное лихачество опытного асса.

– Самолет готов, товарищ полковник! – доложил Епифанов, когда командир минут через десять появился в высотном-компенсирующем костюме.

Рука полковника обнимала знаменитый гермошлем с изображением ястреба. Птица в ярком оперении, несмотря на хищно загнутый клюв, имела спокойный расчетливый взгляд. Этот рисунок на строгой форме тоже был маленькой вольностью, которую мог позволить только всеми уважаемый командир.

– Предупреди диспетчера, – крикнул Тимофеев и не спеша вышел к ожидавшей машине. Слегка оттопыренные руки старались не задеть пневмотрубки на комбинезоне.

Через пару минут он был у самолета. Дежурная смена механиков ждала рядом.

– Все готово, товарищ полковник, – многозначительно улыбаясь, доложил старший смены.

– Спасибо, Егорыч, – по-своему кивнул Василий Тимофеев старому сослуживцу, аккуратно одел гермошлем и ловко забрался по лесенке в знакомую кабину, нагретую безжалостным казахстанским солнцем.

Последний день августа 1978 года клонился к закату и солнечные лучи успели облизать жгучим теплом все закоулки тесной кабины.

Несколько секунд полковник с закрытыми глазами блаженно вдыхал знакомые запахи грозной машины, мысленно прося ее «не подведи, родная», и вспоминал давние юношеские поцелуи с Любой под майским дождем в Саратовском парке. Спиной он чувствовал уверенные объятия катапультирующего кресла, а ртом, словно наяву, ощущал влажные податливые губы девушки. Это был его своеобразный ритуал прощания с землей, молитва, которую он неизменно повторял с 1970 года, со времен отчаянных боев в небе Египта.

Потом он закрыл кабину, закрепился в кресле. Пальцы привычными движениями пристегнули кислородную маску. Полковник попробовал как подается дыхательная смесь и связался с диспетчером. Ларингофон работал нормально, связь была устойчивой.

Василий проверил показания приборов и запустил двигатели. Противошумные наушники исправно глушили громовой рев реактивных двигателей, но возрастающая мощь и без того ощущалась всем телом: от кончиков пальцев на штурвале до ягодич в кресле. «Вперед», дал в нужный момент сам себе команду Василий Тимофеев.

Самолет сделал стремительный разгон и легко оторвался от земли.

Василий быстро набирал высоту, тело вжималось в кресло, перегрузка нарастала. Эти ощущения полковнику были приятны. Он испытывал единение тренированного тела с послушной боевой машиной, и перегрузка осязаемо подтверждала их общую мощь. Василий сделал разворот и пролетел между знаменитой «гагаринской» стартовой площадкой космодрома и городом Ленинск. На окраине города он разглядел здание института, в котором училась дочь Люба.

Когда она родилась, в их только начавшейся семейной жизни был такой хлопотный и неустроенный период, что долго думать об имени новорожденной просто не хватало времени. Они решили назвать дочь также как и жену – Любой.

В прошлом году дочь поступила в местный филиал авиационного института. Во время приемных экзаменов несколько девушек были таинственно задушены, и Василий, много раз рисковавший собственной жизнью, тогда впервые со щемящим чувством тревоги осознал, что в самый обычный мирный день можно потерять единственного ребенка.

Эта тревога острой занозой крепко засела в нем. Поэтому, когда дочь через полгода стыдливо сообщила, что беременна, Василий даже обрадовался – теперь их маленькая семья увеличится. Да и как любимую дочь можно было укорять, если она почти полностью повторяла судьбу своей мамы?

К счастью безотцовщина будущему ребенку не грозила. Счастливая Люба познакомила родителей с Анатолием Колесниковым. Парень учился на курс старше в том же институте. К предстоящей женитьбе Анатолий отнесся хоть и вяло, без энтузиазма, но с мужской хладнокровностью: «раз надо, значит надо».

После свадьбы парень переселился из общежития к ним. Вместе с чемоданчиком одежды он перевез кучу дефицитных книг, которые очень трудно было купить в магазине. Среди груды томов было много абсолютно новых одинаковых книг. Анатолий увлеченно объяснял, что некоторые он купил на талоны за сданную макулатуру, а часть по знакомству. Книги он постоянно обменивал, продавал, покупал новые.

Василий поражался, сколько времени и энергии уходит у зятя на никчемные занятия. Что это: безобидная увлеченность коллекционера или этот процесс называется страшным буржуазным словом «фарцовка»?

Тимофеев старался думать о зяте хорошо. Он видел, что парень не просто расставлял книги по полкам, но и постоянно читал их. Этого факта полковнику было достаточно для душевного спокойствия. Хотя, надо признать, и деньги у зятя водились, Явно не от стипендии. Но разве деньги помешают молодой семье?

Летом Анатолий уехал на два месяца к своим родителям. Люба осталась дома. Все согласились, что нечего ей на сносях таскаться по поездом. Неделю назад зять вернулся, привезя с собой два объемных тюка с американскими джинсами.

Это полковнику авиации мягко говоря не понравилось. Джинсы – такая вещь, которая продается только в валютных магазинах «Березка». После службы за границей Василий Тимофеев получил специальные чеки, на которые смог отовариться в Москве в закрытом для простых людей магазине. Откуда мог взять джинсы студент да еще в таком количестве? Но зять объяснил, что джинсы он получил на реализацию от хороших знакомых, которые работают за границей. В институте среди студентов он их быстро распродает, вернет деньги, а на прибыль, которая должна быть большой, купит все необходимое для будущего малыша.

Подобная меркантильность полковнику была не по душе. Для внука или внучки он и сам все купит, а студенты должны не шмотками торговать, а грызть гранит науки, чтобы стать классными специалистами. Но жена с дочкой неожиданно встали на сторону Анатолия. Дочка бесконечно перебирала импортные штаны, с тоской глядя на растущий живот. Ей так хотелось их померить. В итоге она отложила две пары и попросила Толика ни в коем случае не продавать их, а дождаться родов.

Но все это сущая ерунда, думал Василий Тимофеев, закладывая очередной вираж над пустынной степью. Главное, что дочь родила здорового пацана и искренне любит мужа.

Люба так сильно ждала Толика во время разлуки и с таким пылом бросилась ему на шею, что Тимофеев испытал отцовское чувство ревности. Что подделаешь, дочь выросла и любовь к родителям уступила место в ее сердце любви к чужому мужчине.

Это естественно, в очередной раз успокаивал себя новоиспеченный дедушка. Да и Толик к ней явно неравнодушен. Хотя в его взгляде временами и мелькает что-то кобелиное, но парня понять можно – Любка долго вне игры была.

Полковник развернул самолет прямо на заходящее солнце, опустил на лицо полусферу светофильтра и с мальчишеским задором понесся вдогонку за уходящим светилом. Он целил в багряный шарик как в круг мишени.

Когда пять дней назад Люба благополучно родила внука, Василий отметил, как положено, это событие с женой и зятем, но эйфории, душевного подъема не испытывал. Дочь вместе с внуком была еще в родильном отделении, а они сидели втроем на кухне, пили вино и коньяк, как в обычный рядовой праздник, только темой для разговора было обсуждение имени внука.

А вот сегодня, когда привезли наконец маленького человечка домой и полковник осторожно подержал хрупкое тельце в негнущихся руках, да посмотрел на курносый носик и пухлые щечки, да заглянул во влажные круглые глазки маленького чуда, да вдохнул особенный давно позабытый запах младенца, что-то дрогнуло в нем. Неожиданные внутренние колебания сломали заостренный панцирь души, освободив кипучее, ненасытное чувство. Будто тектоническая плита сместилась под вулканом и дала возможность вырваться зажатой энергии на простор. Василию было приятно душевное извержение, и он не сдерживал его.

Где-то в кино полковник видел, как герой в порыве восторга гнал что есть мочи спортивный автомобиль по пустой дороге, разбрызгивая мелкие лужи и клубя опавшие листья. Но что такое автомобиль, пусть даже и спортивный, по сравнению с самым скоростным в мире истребителем! Василий ощущал себя наконечником стрелы, которая стремглав рассекает пространство и подвластна его малейшей воле.

Полковник взмыл вверх, завалился на крыло, перешел в штопор, потом вновь набрал высоту, играясь с послушной машиной.

В день рождения внука он шутил: «Теперь придется спать с бабушкой», а сейчас на очередном вираже молодцевато подумал: «Да какие мы к черту бабка с дедкой! Вот покажем дочке класс, сбацием еще ребятенка. Ведь жена еще в самом соку, и почему мы раньше об этом не подумали?» Полковник радостно представил двух ползающих малышек в своей квартире. Будет с кем играть маленькому Ваньке! Так мысленно окрестил внука Тимофеев, и, вроде бы, вся семья соглашалась с его мнением.

Развернув самолет на восток, Василий Тимофеев гнал по-прямой и невольно задумался, успешно ли идет его жизнь? Он мог, как некоторые из коллег, попытаться стать покорителем космоса.

Много лет назад была реальная возможность подать заявление в отряд космонавтов. Тогда он долго думал, но воздержался. Сейчас он видел, из чего состоит служба кандидатов в космонавты. Многолетняя кропотливая подготовка под постоянным пристальным контролем. А потом, если сильно повезет, полет в космос, быстрая слава и официальные почести. Затем вновь многолетнее ожидание и подготовка.

А некоторые кандидаты не выдерживали постоянного стресса, срывались. Их отчисляли, и они уходили в никуда. Строгая медкомиссия могла найти микроскопические шероховатости в здоровье еще на стадии приема в отряд космонавтов, и тогда прости-прощай даже любимая авиация. Комиссовывали из армии сразу и подчистую.

Нет, это не для его непоседливой натуры, в тысячный раз сделал Василий все тот же вывод, что и много лет назад. Уж лучше каждодневная практика боевого летчика, чем бесконечные теоретические занятия в ожидании благосклонности фортуны.

Полковник не жалел ни о чем. К тридцати шести годам он через многое прошел и многого добился. Конечно, некоторые из летчиков становились испытателями и за постоянный риск получали звезды героев. Но таких людей единицы. Сейчас полным ходом идут испытания нового секретного истребителя МИГ-29. Говорят, что это легкая сверхманевренная машина с потрясающими возможностями. Ну что ж, рано или поздно она поступит в регулярные части, и полковник обязательно на ней полетает. А сейчас он сидит в кабине самого быстрого в мире

самолета, который может подняться на такую высоту, с которой, как из космоса, видно, что Земля круглая.

Василий Тимофеев стал резко и мощно поднимать истребитель. Линия горизонта исчезла, перед глазами сияла лишь глубина неба. Высотометр показал 15 000 метров, затем 20 000, затем 25 000, но полковник продолжал подъем. Он управлял самой скоростной модификацией «двадцатьпятки» и знал ее возможности.

Преодолев высоту 32 000 метров, полковник на пару секунд выровнял машину и посмотрел вниз. Вот она наша планета, прикрытая тонким голубым слоем атмосферы. Никакой хваленый американский «Фантом» и даже новейший МИГ-29 сюда не пробьется. А каких скоростей достигает его машина! Здесь на высоте скорость мало заметна, а вот если промчатся над самой землей!

Полковник перевел машину на резкое снижение под предельным углом атаки. Это был его излюбленный способ пикирования, где, несмотря на кажущуюся безрассудность, он уверенно контролировал боевую машину. Он шел как метеорит, рассекая уплотняющуюся атмосферу. Нет, метеорит атмосфера тормозит, а самолет, благодаря работе двух мощных двигателей, уверенно набирал скорость.

Тимофеев испытывал огромное ни с чем не сравнимое возбуждение, возрастающее вместе с увеличением показания скорости на приборах и приближением поверхности земли. Высотометр сбрасывал одну тысячу метров за другой, а скорость неуклонно росла.

Полковник не заметил, как вошел в зону облачности. Земля, еще недавно хорошо различимая, вдруг скрылась в белой хмари. Он рассчитывал быстро проскочить невзвешенное облачко, но секунды летели, а белая мгла не рассеивалась.

Полковник смотрел на приборы, мгновенья тянулись бесконечно долго, ему даже показалось, что таймер замер, но высотометр уверенно скидывал цифры. Земля приближалась. Пора

было срочно выводить машину из пике, но полковник все ждал и ждал появления визуальной картинки за стеклами кабины.

Глава 3. Старое дело

Начальник городского отделения милиции майор Петелин Виктор Петрович посмотрел в окно. Невдалеке с грохотом промчался истребитель.

Разлетались вояки! Почти над городом. Так и стекла могут лопнуть, недовольно подумал он.

Майор сидел в кабинете и нервно жевал спичку, гоняя ее из одного угла рта в другой. Американский тележурналист в 1975 году во время совместной космической программы «Союз-Апполон» угостил Виктора Петровича жевательной резинкой. Иностранная пачка из пяти тонких пластиночек «Ригли», каждая из которых была разорвана на три части и поделена между членами семьи, оставила у майора неистребимую привычку не спеша двигать нижней челюстью. Так как жевачка в советских магазинах не продавалась, майор милиции перешел на общедоступные спички. Груда изжеванных спичек вместе с окурками обычно до края заполняла пепельницу на рабочем столе.

Сегодня в отделение спустили депешу, срочно подготовить информацию о всех нераскрытых преступлениях. Майор гадал, к чему бы это? Чтобы наказать? Так нераскрытых дел за ним не числится. А вдруг в звании решили повысить? Город растет, ответственность тоже, вот и собирают материалы к представлению.

В кабинет вошел старший лейтенант Мартынов, которому Петелин поручил подготовить ответ.

– Товарищ, майор. Есть одно дело двухлетней давности. О пропаже преподавателя института Бортко Семена Михайловича. – Мартынов показал тонкую папку.

– Вспоминаю, – майор раздраженно выплюнул спичку. – Сгинул посреди степи на глазах у свидетелей. Бесследно. Но труп так и не нашли!

– Живым гражданин Бортко тоже не объявился. Два года прошло.

– Ну и что? Нет тела – нет дела! Во всесоюзный розыск мы его объявили?

– Да. Через три дня после исчезновения.

– Вот. Теперь это не наша забота. Мы все сделали, как положено. Включи информацию в общую сводку. Пусть видят, что нам скрывать нечего.

Андрей Мартынов покинул начальника и еще раз перелистал дело пропавшего Бортко. Он помнил этот совершенно невероятный случай. Человек исчез в течение минуты на глазах у десятков студентов. Розыскные действия ни к чему не привели. Не помогла и специально обученная собака.

Мартынов задумался.

Преподаватель института. Самое громкое преступление в его небогатом опыте – прошлогодние убийства абитуриенток – тоже было связано с институтом.

Исчезновение человека. И в том случае девушки сначала пропадали, а потом находили их тела. Кстати, первым у трупа оказывался студент со шрамом Тихон Заколов.

Нет. Тогда он еще был абитуриентом, а шрам получил после. Любопытно, сохранилось ли у него чутье к раскрытию таинственных убийств?

Хотя два года назад Заколова в городе вообще не было. Да и нет доказательств, что гражданин Бортко мертв.

Милиционер нехотя захлопнул папку и вернул ее в несгораемый шкаф.

Дело старое. Его место на полке.

Глава 4. Белогорбая верблюдица

Рассекая матовый туман МИГ-25 неуклонно приближался к земле. Тимофеев напряженно следил за приборами.

Не может это облачко быть большим, он же видел перед взлетом совершенно ясное небо!

Когда высота стала критической, полковник резко перевел машину в горизонтальный полет. На мгновение из-за большой перегрузки в глазах потемнело, затем послышался тихий щелчок, будто включили неведомый тумблер соединенный с наушниками, и за стеклом кабины все сразу прояснилось.

Самолет летел очень низко над пустынной степью. Слева ползла извилистая река, впереди за горизонт опускалось красное уставшее солнце. На земле был различим любой кустик вместе с длинными иголками, и полковнику показалось, что он летит очень медленно, словно едет на велосипеде.

Но приборы показывали огромную скорость. Василий Тимофеев не знал чему верить, то ли приборам, то ли глазам.

Неожиданно впереди показалось пыльное облако. Оно стелилось над землей как дым из огромной печки, сдуваемый сильным ветром. Полковник с удивлением обнаружил, что пыль поднимали несметные полчища людей, шедших вдоль реки. Самолет нагнал их сзади.

Сначала показались пешие люди с высокими луками и колчанами стрел за спиной. Рядом с ними тащились большие груженные повозки. Потом шли воины на верблюдах с длинными пиками в островерхих блестящих головных уборах, отороченных мехом, а впереди на лошадях ехали всадники, вооруженные щитами и саблями. Все они представляли многотысячное древнее войско, выступившее в поход.

Полковник сначала подумал, что снимается исторический фильм. Но как его создатели могли собрать такую огромную массовку, одетую в старинные костюмы? Десятки тысяч людей растянулись на километры. На них были яркие одежды и боевые доспехи.

Самолет пролетел над полчищами воинов. Впереди опять простиралась привычная на первый взгляд пустынная степь.

Полковник был глубоко озадачен. Все увиденное, выглядело абсолютно реально, но никак не вязалось с тем, что он должен был видеть на этом месте под крылом самолета. По всем показателям он летел на северо-запад вдоль Сырдарьи по направлению к аэродрому. Но рядом с рекой не было видно ни железной, ни автомобильной дороги. Куда все подевалось? Да и река выглядела как-то не так. Русло было шире, а изгибы плавнее.

Не успев все как следует осмыслить, полковник вдруг увидел на земле прямо под собой двух мужчин, одетых на восточный манер в чалмы и длинные плотные халаты. Мужчины стояли около прямоугольной ямы с ровными краями. В яме находилось несколько небольших кувшинов и мешков. В кувшинах блестели золотом монеты и украшения. Один из мужчин указывал на них пальцем и что-то объяснял другому.

Полковник так отчетливо разглядел эту картину, что не сразу обнаружил, что самолет неподвижно завис над землей. Не веря глазам, он посмотрел на приборы. Судя по их показаниям, боевая машина продолжала мчаться с большой скоростью над самой землей. Полковник ничего не понимал и вызвал диспетчера. Но эфир глухо молчал, будто полностью вышли из строя все средства связи. Вдобавок, полковник совершенно не слышал шума работающих двигателей. Неужели он оглох?

Двое на земле тоже заметили самолет. Смуглые испуганные лица были обращены вверх. Один был явно старше. Его лицо опоясывала аккуратная борода с яркой сединой в середине, словно кто-то мазнул по черным волосам широкой кистью с белой краской прямо под ниж-

ней губой. Второй был молод и гладколиц. Они замерли, на застывших лицах легко читалось паническое ожидание.

Рядом мирно стояли три верблюда. Двое тыкались мордами вниз, невозмутимо выискивая пропитание на бедной высохшей земле. Но третий, самый крупный двугорбый верблюд, задрав морду пристально смотрел на самолет. Обычно полуприкрытые глаза верблюда были широко распахнуты, но не выражали удивления или испуга. Полковнику показалось, что взгляд верблюда устремлен непосредственно в кабину самолета, более того – прямо в его глаза. От этого всепроникающего взгляда Василию Тимофееву стало не по себе. Даже собаки не могут смотреть так глубоко.

Полковник разбирался в верблюдах еще с Египта и понял, что перед ним верблюдица, далеко перешагнувшая порог юности. Да и глаза ее говорили сами за себя. Такой проникновенный взгляд у всех животных, включая человека, присущ только мудрым самкам. Самцы могут смотреть презрительно, равнодушно, холодно, тупо, подобострастно, агрессивно, любяще, да почти как угодно, но так проникновенно как женская особь, мужская порода смотреть не может.

И еще одна деталь поразила полковника – оба горба рыжей верблюдицы были ярко белыми, словно седыми! Они искрились как свежий снег морозным солнечным утром. Таких необычных верблюдов он никогда не видел.

Летчик Василий Тимофеев заворожено глядел из кабины самолета на странную картину: двое людей в древних одеждах около ямы с драгоценностями и три верблюда рядом. Люди внизу испуганно пялились вверх, лишь ветерок шевелил полы халатов. В их глазах сквозил тупой испуг.

А белогорбая верблюдица смотрела пристально и изучающе.

Полковник пришел в себя и осознал, что самолет бесшумно завис над землей, хотя приборы показывали большую скорость. Истребитель таинственным образом застрял в нескольких десятках метров над поверхностью, и Василий Тимофеев ясно понял, что если машина повалится вниз, а она по всем законам физики должна свалится, он ничего не успеет предпринять. Даже катапульта здесь не поможет. Парашют не успеет раскрыться.

Холодный пот прошиб полковника и расплылся неприятным липким пятном на груди под обтягивающим комбинезоном. Василий лихорадочно увеличил мощность двигателей, пытаясь поднять самолет вверх. «Ну, давай же, давай, не подведи, родная», – умолял он грозную технику и вновь взглянул в распахнутые глаза белогорбой.

Боевая машина плавно стронулась и, постепенно набирая скорость, устремилась ввысь. Самолет оказался в белом мареве облаков. По сгусткам то более густых, то светлых пятен, мелькающих вдоль стекол кабины, полковник с радостью узнавал, что скорость вновь вернулась к самолету.

Вскоре машина вырвалась на ясный простор, и Василий увидел внизу привычную картину: река Сырдарья и тянущаяся вдоль нее железная дорога. Тут же прямо по курсу показались знакомые очертания города Ленинска.

Полковник сделал небольшой круг. Ни людей, ни верблюдов сзади он не увидел.

– Ноль первый, ноль первый, где вы? – услышал Тимофеев в наушниках тревожный голос диспетчера.

– Подлетаю к аэродрому, слышу вас хорошо, прошу посадки, – ответил полковник.

– Полоса свободна, товарищ полковник, – облегченно сообщил диспетчер. – Ваш борт отсутствовал на экране локатора пол минуты. Звуковой связи не было. С вами ничего не случилось?

– Со мной... Проверь технику! – грубо ответил полковник и замолчал.

Когда самолет благополучно приземлился, Василий Тимофеев быстро переоделся, и ни с кем не разговаривая, уехал домой. Улыбающийся Епифанов, натолкнувшийся на строгое лицо командира, вмиг посерьезнел и в разговоры вступать не стал.

Как только «уазик» полковника покинул аэродром, Епифанов позвонил диспетчеру:

– Командир вернулся какой-то хмурной. Как он летал?

– Гонял свою пташку и в хвост и в гриву. У нас локатор за ним не поспевал, – засмеялся диспетчер.

Глава 5. Хасим

Торговый человек Хасим совершил вечернюю молитву во славу всевышнего, усердно и дольше обычного поблагодарив всемогущего Аллаха за то, что удача вновь вернулась к нему. Здесь, в китайском городе Дуньхуане ему, наконец, повезло. Он нашел то, ради чего проделал столь долгий и опасный путь от поволжских степей из столицы Золотой Орды роскошного города Сарая до самого центра Китая. И цена на товар оказалась сходная. Теперь, если великий хан Тохтамыш сдержит слово, можно будет не только решить свою тяжкую проблему, но и изрядный барыш получить.

Хасим был родом из славного богатого Ургенча и, кроме поставок в родную Среднюю Азию, долгие годы успешно торговал с могущественной Золотой Ордой. Он водил караваны из Дамаска и Китая, бывал в Индии, добирался и до Константинополя. Он хорошо знал все караванные пути в город дворцов Сарай и помимо шелка, бронзы, пряностей, духов и украшений часто выполнял специальные тайные заказы Золотоордынских ханов.

Несмотря на то, что Волжский и Шелковый пути в Средней Азии контролировала Золотая Орда, лихих людей, подчинявшихся только своей корысти, на пустынных дорогах водилось предостаточно. Хасим, конечно, содержал охрану, но чаще его спасало личное знакомство с грозным повелителем Золотой Орды Мамаем. Защитная грамота Мамае служила пропуском через многие территории и нередко заставляла разудалых сорвиголов отменять грабительские планы.

Но все течет, все меняется. Камни истираются в песок, а песок превращается в пыль и бесследно разносится ветром.

Отменный полководец Мамай несколько лет назад был разбит русским князем Дмитрием где-то далеко в холодной России. Обесславленный Мамай тогда с позором бежал в Орду, но его доконал и изгнал в Крым безжалостный властолюбивый Тохтамыш, поддерживаемый всесильным Тимуром из Самарканда. Младшие командиры родовых отрядов не знали, кому теперь подчиняться.

Всякая смута, как волна грязную пену, выбрасывает из недр множество злобных подлых людишек, норовящих урвать чужое. Дороги рядом с Сараем стали опасными и беспокойными. Бандиты могли днем взять дань за проезд, а ночью ограбить и убить купцов.

В это время Хасима и его имущество не раз спасал старший караванной охраны отважный Шакен. Это был преданный и верный слуга, с годами превратившийся в друга и мудрого советника.

Вдобавок ко всем трудностям, в эти годы в Бухарском ханстве к власти пришел жестокий хромой эмир Тимур, известный в других странах под именем Тамерлан. Он полностью разрушил родной город Хасима Ургенч, не желавший ему подчиняться. Простые люди были поголовно убиты, все местные торговцы полностью ограблены и разорены, а мастеровым и ремесленникам эмир приказал переселиться в Самарканд, который Тимур объявил своей столицей.

Хасим тогда потерял почти все состояние, и если бы не тайный клад в степи, где он несколько лет назад, опасаясь обнаглевших бандитов, спрятал драгоценности и золотые дирхемы, вновь бы ему не подняться.

Но все равно, не смотря на риск и постоянные караванные походы, достичь прежнего благосостояния трудолюбивому Хасиму не удавалось. Самые выгодные заказы теперь получали Самаркандские купцы. Их клан быстро набрал силу, а Хасиму с его товарами путь в новую среднеазиатскую столицу был заказан. Ему только и оставалось, что пытаться, как и прежде торговать с Золотой Ордой.

Но Золотая Орда была уже не та, что при могущественном самозванце Мамае. Хан Тохтамыш, захвативший власть в Сарае, через два года после позорного поражения Мамае отомстил русским князьям, не желавшим платить ему мзду. Он огнем и мечом прошел через их земли и сжег главный русский город Москву. Это прибавило ему славы, но не добавило могущества.

Даже Хасим чувствовал, что внутри ханства не все спокойно. Многие хотели занять место Тохтамыша и плели тайные интриги. Но наибольшую опасность для Тохтамыша представлял набравший огромную силу жестокий Тимур, захвативший в считанные годы всю Среднюю Азию и Индию.

Победа над русскими вскружила Тохтамышу голову и он безрассудно посягнул на владения Тимура. Хромой эмир, в свое время поддержавший Тохтамыша в борьбе за Сарайский престол, не мог простить такого коварства, и теперь все ждали большой войны между великим ханом и могущественным эмиром. Многие купцы старались обходить Орду стороной, заранее предрекая ей поражение.

Год назад Хасим взял с собой в караванный поход старшего сына Рустама. Ему уже исполнилось 17 лет, пора было посвящать молодого человека в серьезные торговые дела. В Сарае, куда они пришли с товарами из Дамаска, Хасима неожиданно вызвал к себе сам Тохтамыш.

С новым ханом Хасим лично еще не был знаком, и что ожидать от встречи, не знал. В любые времена властный хан простого купца и вознести может, и уничтожить.

– Хасим, – дождавшись глубокого поклона, обратился к торговцу Тохтамыш. – Я знаю, что ты хорошо поработал на моих славных предшественников. Ты много помогал Мамаю.

Прежде всего, Хасим всегда работал на себя, и сейчас быстро гадал, что ожидать от столь лукавого вопроса. Всем известно, что Тохтамыш, захватывая власть, безжалостно разгромил ослабленного Мамае, и уничтожил самых преданных его соратников. Не намерен ли он посчи-

таться и с Хасимом? Хотя, новый хан мог сделать это и много раньше. Нет, тут видимо что-то другое, решил опытный купец и вместо ответа учтиво поклонился.

– Мамай был моим врагом, – Тохтамыш задумался, рассматривая огромные перстни на грубых пальцах. – Но это все в прошлом. Он тоже заботился о благе Орды и внушал страх нашим вассалам.

– Достоправный хан, я всего лишь мелкий торговец. Если влиятельный господин заказывает товар, я стараюсь доставить его в срок, – уклончиво ответил Хасим.

– Но товар товару рознь, Хасим. – Хан бросил острый взгляд на склоненное лицо торговца. – Не всякий купец отважится перевезти через опасные границы то, что может его погубить.

– Для нас торговцев все измеряется деньгами, – Хасим осторожно приподнял глаза. – Риск – тоже.

– Хороший ответ, – криво засмеялся, будто часто закашлял, Тохтамыш. – Ты возил нам стальные клинки, наконечники стрел и кольчуги из Дамаска. Мамай платил щедро за твой риск?

Что ответить на такой вопрос, мысленно прикидывал Хасим. Хвалить Мамай нельзя, но и ругать опасно. В последнее время Тохтамыш все чаще называл его мудрым полководцем, сумевшим в период смуты сплотить разрозненную Орду. Ведя беседу с сильными мира сего, каждое слово надо взвешивать не на вес золота, а на вес собственной жизни.

– Мамай был справедлив с купцами. Но слава о вашей мудрости и честности, достоправный хан, известна на всем Востоке от Иерусалима до Китая, – ответил Хасим, демонстративно склонив голову в знак уважения.

– В роду богоподобного Чингис-хана все мудры и отважны! – Громко изрек Тохтамыш, и обвел присутствующих грозным взглядом, словно кто-то смел усомниться в этой истине.

Хан медленно поднялся с величественного трона, в раздумье прошаркал по каменному полу и доверительно взял Хасима под локоть:

– У меня к тебе важное дело, Хасим... Когда мы брали Москву, русские со стен Кремля несколько раз стреляли живым огнем из железной трубы.

Тохтамыш щелкнул пальцами, и двое слуг внесли в комнату нечто длинное завернутое в покрывало. Судя по согнутым фигурам, ноша была тяжелой. Слуги уложили сверток на ковер, развернули покрывало и удалились.

Хасим увидел черную трубу, сделанную из толстого железа. Витиеватый литой узор украшал диковинку.

По приглашению хана, Хасим подошел поближе. Труба была вылита единым куском из качественного железа искусным мастером, определил купец, не мало повидавший в дальних странах. На украшение она не походила, слишком уж тяжела и громоздка. Хасим заглянул внутрь. Гладкая труба имела отверстие только с одной стороны. Другой конец был отлит толще и наглухо закрыт. Лишь с самого края на его поверхности виднелась маленькая круглая дырка.

– Русские называют это пушкой, а в Европе бомбардой, – объяснил Тохтамыш, когда озадаченный Хасим отошел в сторону. – Пушку им привезли голландцы или немцы. Она стреляет огнем, выталкивая из себя тяжелый камень или железное ядро. Ядро летит с такой силой, что может пробить толстую стену. По моим воинам они стреляли мелкими железными осколками. Такой осколок пробивал стальную защиту моих воинов как клинок тряпку.

Тохтамыш замолчал, то ли вспоминая осаду Москвы и гибель воинов, то ли ожидая реакции Хасима. Глаза его помутнели.

Купец еще не понял в чем суть дела и предпочел тоже хранить молчание. Лишь ладонь нервно поглаживала аккуратную черную бороду с яркой полоской седины на подбородке.

– Мои люди выпытали у мерзких русских секрет летающего огня, – очнулся от раздумий Тохтамыш. – Чтобы пушка стреляла, нужен порох. Слышал о нем, Хасим?

– Доводилось, – ответил купец, начиная догадываться, куда клонит хан. – Моряки в средиземноморских портах про всякое болтают.

– Мне нужен порох! – твердо заявил Тохтамыш, посчитав, что время на пустую светскую беседу иссякло. – Ты поработал на Мамай, когда я с ним враждовал, теперь послужишь и мне! Привези мне порох, и ты оценишь мою щедрость и благодарность.

– Я не знаю, великий хан, где взять порох. В наших краях его нет, и я не слышал, чтобы им торговали на базарах, – осторожно подбирая слова, вкрадчиво произнес Хасим. – Я думаю, что это очень сложное и опасное дело.

– Хватит! – грубо прервал Тохтамыш, в сузившихся глазах хана мелькнула злость. – Ты умный купец, Хасим. Ты решишь эту проблему. Мне нужно много пороха, а еще лучше – рецепт его изготовления. И сделать это надо быстро, до наступления полной весны.

Тохтамыш нахмурился и задумался вновь, словно забыв о собеседнике. В этот раз Хасим легко угадал его мысли. Хан размышлял о возросшей силе и неумных амбициях Тимура. Войска Тамерлана уже вклинивались в улус Тохтамыша, грабили, убивали людей, забирали скот и беспрепятственно уходили обратно.

Эти набеги походили на проверку боеспособности Тохтамыша. Было очевидно, что мелкими выпадами жестокий и алчный Тимур не ограничится, и вскоре направит войска на столицу Золотой орды. Со всеми прочими противниками на тысячу километров вокруг Самарканда хромоногий эмир уже справился. Возможно, Тохтамыш знал от тайных лазутчиков, что настал его очередь.

Сейчас зима – не лучшее время для больших военных походов. Поэтому и срок хан назначает только до весны, когда в степи появится пропитание для многочисленного войска на конях и верблюдах. Раньше Тамерлан вряд ли двинет войско на Сарай.

Видимо Тохтамыш надеялся, что новое оружие, еще невиданное в Азии, поможет ему в борьбе с Тимуром. Что же, не он первый, не он последний цепляется за подобную надежду, подумал Хасим.

– Я постараюсь выполнить ваш заказ, великий хан, – как можно вежливее ответил Хасим.

Он знал, что никогда нельзя прямо отказывать ханам. Сейчас Хасим желал только одного, выйти живым из ханского дворца и побыстрее покинуть беспокойный Сарай. Обещание – это не клятва, думал мудрый торговец. Выполнит он его или нет – на все воля Аллаха.

Видно настало время бросить это опасное ремесло: водить караваны по землям, где все время воюют. Угодишь одному повелителю – сделаешься врагом другого. Надо купить лавочку на окраине Самарканда или Бухары, и тихо доживать остаток лет, спокойно торгуя тканями, бронзой или коврами.

Но у расчетливого Тохтамыша были совсем другие планы.

– Ты постарайся как следует, – жестко произнес хан, отрываясь от досадных раздумий. Затем растянул губы в многозначительную улыбку и ласково, наклонившись к купцу, спросил: – Я слышал, ты приехал к нам с сыном? Скажи мне его имя?

– Рустам.

– Хорошее имя. – Тохтамыш сделал несколько шагов и резко повернулся на каблуках: – Вот мое решение. До твоего возвращения с товаром, Рустам останется у меня гостем. – Хан вновь улыбнулся и сменил тон: – Это твой единственный сын, Хасим? Больше надо иметь жен, и чаще проводить с ними ночи!

Тохтамыш загоготал, издавая неприятные кашляющие звуки. Сарайские вельможи тут же подхватили смех повелителя.

Глава 6. Схема местности

Вернувшись домой, полковник Тимофеев уединился. Недоумение не покидало его. Неужели он заглянул в прошлое? Бред!

Хотя с другой стороны, читал же он про случай, когда с экранов локаторов пропала целиком американская эскадрилья. Вернувшиеся на базу летчики обнаружили, что у всех часы отстают на тридцать минут – ровно столько времени не было с ними связи. Пилоты тогда ничего не почувствовали и не заметили. Но они летели над океаном, а волны во все времена одинаковые.

Один европейский пилот заявлял, что своими глазами видел битву при Ватерлоо. А сколько самолетов и кораблей пропадали бесследно? Один Бермудский треугольник чего стоит. Может они тоже попадали в прошлое и не смогли оттуда выбраться?

По инструкции в случае обнаружения во время полета чего-то непонятного или подозрительного, полковник должен был немедленно составить рапорт. Но несколько лет назад молодой летчик из их части заявил о чем-то подобном. Те, кто общался с ним сразу после приземления, рассказывали, что вид у него был совершенно очумевший. Летчика долго расспрашивало руководство из разных ведомств. Потом вызвали в Москву, откуда он уже не вернулся. Поговаривали, что его комиссовали и положили в психушку.

Василий Тимофеев помнил эту историю, поэтому сдержался и на аэродроме никому ничего не сказал. Сейчас, когда столкновение с неизвестностью было позади, его распирало возбужденное любопытство. Приехав домой, он подробно нарисовал схему местности, где видел, как двое древних странников что-то закапывают.

Вот река с ее изгибами, а вот здесь эта точка.

Полковник достал подробную летную карту с грифом «Для служебного пользования». На ней, в отличие от обычных географических карт, все изображалось правдиво и без искажений. Судя по скоротечному времени полета обратно на аэродром, нужный участок реки должен быть километрах в тридцати-сорока от города вверх по течению.

Он сопоставлял нарисованную схему и карту – полного совпадения рисунка с каким-либо участком не получалось. Василий закрыл глаза и еще раз припомнил все увиденное. Нет, он не ошибается. Нарисовал точно, их этому еще в летном училище обучали.

Но если на карте не находится похожего места, где же он был?

В соседней комнате раздался настойчивый детский писк. «Ванька проснулся, грудь просит», – умиленно подумал Василий Тимофеев, вспомнив свое новое звание дедушки. За дверью послышались голоса дочери и жены. Женщины захлопотали над маленьким требовательным человечком.

В комнату к полковнику зашел зять Анатолий.

– Не хочу им случайно помешать. Наши дамы такие нервные стали. Если я даже к потолку прилипну, все равно будут говорить, что путаюсь под ногами, – улыбнулся Анатолий, остановившись рядом с тестем. – О, да вы неплохо рисуете, – удивился он, взглянув на листочек, где полковник рядом со схемой в меланхоличном раздумье изобразил сундук с деньгами, двух человек с лопатами и верблюда.

– Это не картинка, Толик. Это можно считать фотографическим снимком, – постукивая тупым концом карандаша по бумаге, произнес Василий. – У меня глаз, как фотоаппарат.

– Где же вы видели такую картину?

Полковник авиации задумался. Рассказать или нет? Но размышления были недолгими. В итоге в нем разыграл мальчишеский задор, и он увлеченно поведал зятю о том, что приключилось с ним сегодня во время полета.

– Так это что, клад? – выслушав тестя, удивленно спросил Анатолий. Палец показывал на сундук, изображенный на рисунке.

– Может быть, – подтвердил полковник. – Там я видел кувшины с монетами и мешки.

Анатолий задумался. В детстве, прочитав много приключенческих книжек, он страшно хотел найти настоящий клад. Он, как и любимый герой детства Том Соьер, верил, что где-то рядом существуют зарытые сокровища и припрятанные драгоценности. Толик рылся в заброшенных подвалах, простукивал стенки и выкапывал лопатой большие ямы в лесу. Он придумывал невероятные истории, убеждая себя, почему клад должен оказаться именно в том месте, где он в очередной раз затевал поиски. Он даже не принимал в расчет, что город, в котором он тогда жил, начал строиться не более тридцати лет назад. Он верил, что если не здесь, то вот там, совсем рядом, удача ждет его, и он натолкнется на золото, припрятанное древними разбойниками. Ему всегда хотелось иметь много денег, но в результате длительных поисков Анатолий находил лишь ржавые замки, почерневшие доски и несколько обычных советских монет.

Сейчас в нем вновь проснулся детский азарт следопыта. А желание быстро обогатиться у него не иссякало никогда. Именно поэтому он покупал и перепродавал книги, грампластинки, а этим летом занялся и джинсами. В рассказе тестя он равнодушно пропустил подробные сведения о скорости, перегрузках, показаниях приборов и очень оживился при упоминании увиденных драгоценностей.

– Так надо съездить, проверить местечко! Покопаться, – возбужденно предложил Анатолий.

– Куда? Нет здесь такого места, – Василий похлопал ладонью по карте. Полковника больше тревожил не увиденный клад, а то, где же все-таки был его самолет, и почему он там оказался?

Анатолия, напротив, взволновала практическая часть истории. Не смотря на кажущуюся для посторонних легкость, каждый рубль, заработанный на перепродаже книг и дисков, доставался ему с большим трудом. Во-первых, надо уметь заводить нужные знакомства и тратиться на подарки, чтобы доставать дефицит, во-вторых, уметь его сбывать, для чего надо поддерживать широкий круг общения с самыми разными людьми, и в-третьих, не обращать внимания на обидные реплики со стороны. Вот, быть учителями, врачами, летчиками и инженерами почетно. А таких трудяг как он, люди награждают оскорбительными словами: спекулянт или фарцовщик.

Анатолий еще очень живо помнил, какое напряжение и настоящий страх он испытал совсем недавно, когда удалось обмануть московских дельцов с партией джинсов. Он заплатил им только половину, а остальное обещал отдать в Куйбышеве, где жили его родители после демобилизации отца из армии.

Он подпоил толстого парня Славу, сопровождавшего его из Москвы, а сам сошел с товаром ночью на небольшой станции. Дальше он добирался на автобусе, опасаясь, что на железнодорожном вокзале его будут искать. Хотя его адреса в Куйбышеве московские продавцы не знали, но все равно те две недели, что Анатолий пробыл у родителей, он провел в постоянном напряжении и ожидании неприятной встречи. В каждой толстой фигуре он видел тупого озлобленного Славу.

Сбывать джинсы в Куйбышеве Анатолий не решился, боясь, что его могут вычислить. И только оказавшись в закрытом городе Ленинске, он расслабился и успокоился. Здесь его точно не достанут!

И что в результате он заработает на столь опасной махинации? Несколько тысяч рублей. На них даже автомобиль сейчас не купишь. А там, где зарыт этот клад, возможно золота и драгоценностей на сто тысяч рублей!

Эх, если бы у него были такие деньги, как бы он зажил!

– Я возьму схему? – невзначай попросил Анатолий.

– Только никому не рассказывай, – предупредил тесть.

– Угу, – кивнул Анатолий, но упускать шанс получить деньги не собирался.

Толя Колесников перебрал в памяти всех знакомых и остановился на единственном человеке, способном по его мнению разобраться в странном случае.

Он думал о Тихоне Заколове.

Глава 7. Сбор у института

Первого сентября около института был общий сбор студентов. Тихон Заколов и Александр Евтушенко пришли вместе с разношерстной толпой ребят из общаги. Они только вчера вернулись в город и, как все студенты, оживленно перешептывались с однокурсниками, делясь впечатлениями о прошедших каникулах.

Проректор института поздравил первокурсников с поступлением и дальше уделил внимание значению космических полетов для общего прогресса человечества. Он говорил запальчиво и быстро:

– Темпы ускорения скорости развития космических полетов достигли небывалых масштабов. Мы сейчас стоим здесь, – ткнул он пальцем в землю, – а над нами летает большая космическая станция, состоящая из трех независимых модулей с четырьмя космонавтами на борту!

Палец оратора теперь указывал вверх, и многие задрали головы в чистое небо, ожидая воочию лицезреть подтверждение слов проректора.

– Во, старикан, дает! Четвертую производную в речь ввернул, – прокомментировал слова проректора Тихон Заколов, потирая маленький шрам над губой.

– Что? – не понял Борис Махоров, прилетевший вчера из Москвы. С ним Тихон и Александр вновь поселились в одной комнате.

– Скорость – производная первого порядка, ускорение – второго, темп – по сути та же скорость. Получается, что «темпы ускорения скорости» – это производная четвертого порядка, – пояснил слова друга Саша Евтушенко.

– Вы, мужики, опять в своем репертуаре! – искренне подивился такой логике Борис. – Может вы в его словах еще и интеграл найдете?

– Это логично, – невозмутимо согласился Тихон. – Его он употребил в самом начале. Помнишь: «ваша молодость открывает перед вами сотни путей». Это типичный неопределенный интеграл по времени, где в качестве функции используется человек. Если раскрыть такой интеграл и подставить конкретные параметры, то получим судьбу человека.

– Слишком много индивидуальных коэффициентов у такой функции, – подхватил тему Сашка. – Да и интеграл как минимум должен быть двойным – по времени и по месту. Место я понимаю, как комплексную функцию среды и эпохи. Хотя, не совсем так, дай подумать...

Заколов и Евтушенко увлеклись развитием теории математического описания судьбы человека. Махоров, уже привыкший к их страсти все формулировать языком точных наук, лишь покачал головой и придвинулся поближе к Боне. С ним можно было обсудить более интересную тему: как изменились девчонки за лето?

Проректор, заканчивая эмоциональную речь, объявил то, о чем и так все догадывались. Первый и старшие курсы начинают учебу с сегодняшнего дня, второй курс – как обычно, едет в колхоз оказывать шефскую помощь, а третий – участвует в отделочных работах в институтском спортзале, который, наконец, возвели под крышу. Колхозы в области были рисоводческие, поэтому студенты второго курса, как принято было говорить, – ехали «на риса».

Ребята, многие из которых не виделись два летних месяца, дружески похлопывали друга друга по плечу, толкались и шутили.

– Будущие инженеры и ученые должны уметь три главные вещи, – бодро декларировал Боня, – работать в колхозе, на стройке и на овощной базе. Без этого опыта советский инженер получается неполноценным и не может считаться настоящим строителем коммунизма.

– Как нас учили, – язвил Борис, – интеллигенция – это прослойка между рабочими и колхозниками. В любой момент по приказу партии мы должны уметь отслоиться в ту или другую сторону и прилипнуть к настоящим трудягам.

Тихон Заколов и Александр Евтушенко слушали с одобрительной, хотя и грустной улыбкой. Им больше всего хотелось после длительного отдыха вернуться в аудитории, услышать лекции преподавателей, читать учебники, постигая новые вершины достижений человеческого разума. Если бы они сказали об этом вслух, их бы засмеяли. Большинство студентов давно настроились на поездку в колхоз, рассчитывая весело провести время, покуролесить и закадрить девчонок вдали от родительского пригляда.

Саша и Тихон до последнего момента надеялись, что в этом году их курса каким-то чудом не коснется всесоюзная традиция поездок «на картошку», «на риса», «на хлопок». Но жизнь оказалась обыденной, нерадостной и предсказуемой. На ближайший месяц в их функции жизни основные параметры уже подставили.

Тут же выяснилось, что общий отъезд предстоит завтра, но уже сегодня надо послать в колхоз троих квартирьеров. Они подготовят место для приезда остальных студентов. Командиром отряда назначили Влада Перегудова. Он вместе с братом близнецом Стасом тоже жил в общежитии. Оба уже отслужили в армии и в институт поступили после подготовительного отделения.

Влад серьезно отнесся к новой должности и заявил, что сам вместе с братом выезжает на объект. Тихон представил, что вечером в общежитии по случаю окончания каникул будет очередная бестолковая пьянка, и тоже вызвался в квартирьеры. Сашка, словно оправдываясь, сказал, что ему надо обязательно посетить библиотеку и посмотреть книги по теории графов. В последнее время им овладел нестерпимый зуд – доказать непрístupную гипотезу о четырех красках.

Когда Заколов и Евтушенко отделились от галдящей толпы к ним подошел, терпеливо поджидавший этого момента, Анатолий Колесников.

Перед свадьбой Анатолий несколько месяцев жил в общежитии вместе с ребятами в одной комнате. Бориса в тот период за некорректное поведение с девушкой выселили из общаги. После сильного подпития он очень нагло приставал к миловидной студентке. Дошло до криков, порванной одежды, и девушка пожаловалась коменданту общежития.

Борис тогда перебрался к знакомому из Москвы Игорю Лисицину, который учился на курс старше. Игорь жил в соседнем здании, в офицерском общежитии в отдельной комнате. Его отец служил в этом городе, но год назад перевелся в Москву. Перед отъездом он временно пристроил сына в офицерское общежитие. Игорь там прижился и даже, когда появились места в студенческом общежитии, не захотел переезжать.

Дело в том, что он пристрастился играть в преферанс, изучил все тонкости игры и стал признанным мастером. Игра всегда шла на деньги, и среди офицеров с их неплохими зарплатами Игорь Лисицин всегда находил много денежных партнеров. Хотя игра чаще шла по копейке, Игорь за месяц выигрывал, как правило, неплохую сумму, в несколько раз большую стипендии. Он приплачивал комендантше офицерского общежития за право и дальше жить в относительном порядке и благополучии. В студенческом общежитии комнаты были переполнены, да и неугомный стиль жизни слишком шевутных студентов расчетливого Игоря не устраивал.

Тихон Заколов приобрел авторитет в глазах Анатолия Колесникова не благодаря уникальной способности к быстрому счету – абстрактные числа Анатолия не интересовали – а после сугубо прикладного случая.

Колесников торговал в общежитии дефицитными болгарскими сигаретами. Он получал от знакомого метрдотеля центрального ресторана по три блока сигарет «БТ» и «Опал». Чтобы не возиться с мелочью, Анатолий продавал «БТ» за 1 рубль 2 пачки, а «Опал» за 1 рубль 3 пачки. Торговля шла хорошо. За 30 пачек «БТ» он получал 15 рублей, а за 30 пачек «Опала» 10 рублей. В итоге выручка составляла 25 рублей.

Однажды Толик решил оптимизировать торговлю. Он рассудил: если 30 пачек я продаю по 1 рублю за 2 штуки и 30 пачек по 1 рублю за 3 штуки, не лучше ли продавать сразу за 2 рубля 5 пачек?

Сказано – сделано. Распродав товар по новой схеме, Толик пересчитал выручку и обнаружил вместо 25 рублей, всего 24!

Украсили – было первой мыслью. Толик подозрительно посмотрел на Заколова и Евтушенко. Полчаса он дулся, а потом напрямик высказал свое недовольство.

Заколов рассмеялся:

– Толик, раздели 60 пачек на 5 и умножь на 2 рубля. Сколько получается?

– 24.

– Так что же ты хочешь?

– А куда же делся рубль? – недоумевал Колесников.

Некурящий Заколов рассмеялся еще больше и посоветовал:

– Следующий раз возьми 30 пачек «БТ» и 60 пачек «Опала». И рубль к тебе вернется!

– Как это?

– При обычной схеме продажи за 30 пачек «БТ» ты получишь 15 рублей, а за 60 пачек «Опала» 20 рублей. Итого: 35 рублей. А ты попробуй продать всю партию по 2 рубля за 5 пачек.

Анатолий попробовал. И вместо 35 рублей получил 36!

– В чем же дело? – пристал он к Заколову.

– Толик, а почему бы тебе не вспомнить алгебру? Так как ты усредняешь, делать нельзя. Вот, смотри, – Тихон быстро изложил на бумаге его ошибку. – Если уж хочешь торговать по-новому, то бери 30 пачек «БТ» и 45 пачек «Опала». При обоих способах продажи получишь 30 рублей.

Колесников убедился, что математика в коммерции отнюдь не лишняя штука, и с тех пор думал о Заколове с уважением.

Хотя полковник Тимофеев просил никому не рассказывать о загадочном происшествии, Толик не вытерпел и коротко, не упоминая имени и увиденного клада, поведал Тихону о том, что приключилось с одним из летчиков. Он надеялся, что толковый нестандартно мыслящий парень поможет извлечь пользу из данной информации.

– Это логично! Я так и думал! – воскликнул Тихон, едва выслушав Анатолия.

Глава 8. Хасим. Маленький «дракончик»

В тяжких раздумьях покидал улус могущественного Тохтамыша купец Хасим. Из Сарая он направил караван на юг, но, выйдя на главный караванный путь, который многие называли шелковым, не стал сворачивать на запад в сторону Европы. Он знал, что в арабских и турецких портах дьявольский огненный порошок, который заказал ему хан, не достать, а плыть через море в неведомую Европу он никогда бы не решился.

Море и корабли – это не для Хасима. Степной человек Хасим привык доверять твердой почве под ногами и выносливым верблюдам.

Оглянувшись в последний раз на север, где в городе Сарае остался томиться «в гостях» юный сын, Хасим повернул караван на восток. Он решил держать путь в далекий Китай. Там ему доводилось видеть диковинные огненные фейерверки. Для их производства китайцы использовали горючий порошок. По своим свойствам он очень походил на тот самый порох, который приказал достать Тохтамыш.

Путь через беспокойные земли был долог. Поднебесной империи Хасим достиг сразу после китайского Нового года. В каждом городе, он спрашивал торговцев о порохе. Но этого товара никто из серьезных купцов не держал.

Порох производили мелкие лавчонки в предгорьях для шутих и фейерверков к Новому году. Когда праздник заканчивался, никому странный порошок был не нужен, и ремесленники возвращались к производству добротных повседневных вещей.

В поисках пороха Хасим прошел с караваном по китайским землям не одну сотню километров пока достиг большого оживленного города Дуньхуана. И здесь ему, наконец, повезло. Потому и молился в тот вечер Хасим неистово и радостно, восхваляя Аллаха и вспоминая плененного сына Рустама.

В Дуньхуане ему вызвался помочь старый опытный торговец Джун. Китайский купец сам никогда не ходил в дальние страны. Занимаясь торговлей, он всю жизнь прожил в родном городе, но прекрасно знал где, что и почему можно купить на десятки километров в округе. Джун продавал местный товар караванщикам, а взамен брал чужеземные товары.

Когда Хасим назвал объем столь странного заказа: двадцать мешков, – хитрый Джун вместо того, чтобы скинуть цену за оптовую покупку сказал, что это невозможно, такой заказ нельзя выполнить даже за месяц, и поэтому цена за мешок поднимается. Хасим с улыбкой и шутками, как было заведено, попытался торговаться, но Джун вежливым жестом остановил его:

– Хасим, я же не спрашиваю тебя, зачем тебе нужно столько пороха? Поверь мне, есть много людей и в нашей стране, и в твоих краях, которым очень захотелось бы узнать ответ на этот вопрос. Как говорили наши предки: слово – серебро, а молчание – золото. – Старый Джун прикрыл глаза и сложил ладони на животе, словно устал от долгого спора.

– Я приехал за чаем, – подумав, сказал Хасим. – За лучшим китайским чаем.

– Я так и буду всем говорить, – кивнул Джун.

В конце концов, они сошлись на десяти мешках, которые будут готовы через две недели. Напоследок Хасим поинтересовался, нельзя ли приобрести рецепт изготовления пороха?

– Я готов за него заплатить еще столько же, – назвал он цену.

Джун внимательно посмотрел на Хасима и покачал головой:

– Китайские мастера передают секреты только своим детям. Если у мастера нет сына, он уносит секрет в могилу. К счастью, китайские женщины рожают много.

Хасим не стал возражать, но его богатый опыт подсказывал: если что-то не продают, значит, ты предлагаешь не ту цену, или обращаешься не к тому человеку.

Расставшись со старым хитрым китайцем, Хасим велел самому шустрому работнику последить за ним. План оправдался.

На следующий день Хасим знал, что в часе езды от города в предместьях гор находится деревушка, где китайцы добывают уголь. Один из домов, стоящий на краю карьера и посетил после встречи с Хасимом Джун. Оттуда он сразу вернулся в город.

Скупая для видимости в окрестностях Дуньхуана чай, через три дня Хасим заехал в эту деревушку. Владельцем нужного домика оказался маленький круглолицый Шао. Хитрые глазки под широкой конусной шляпой убедили купца, что с этим малым можно договориться. Длинный неспешный разговор с китайцем принес плоды. Шао затряс засаленной косичкой, улыбка отодвинула щеки к ушам, две маленькие ладошки благодарно сжали руку Хасима.

Хотя китаец и не согласился продать рецепт чудесного порошка, но пообещал в течение дополнительной недели изготовить еще десять мешков пороха за пол цены от той, что просил Джун. Несомненно, это тоже был славный коммерческий успех. После сделки можно быстро возвращаться в Сарай и вызволять сына. Великий хан Тохтамыш будет доволен таким объемом секретного товара.

Через оговоренный срок в синих вечерних сумерках в пустынном месте за городом китаец Джун передал Хасиму обещанный товар.

– А теперь поспеши домой, – получив деньги, посоветовал Джун. – Я всегда держу слово, но в Китае слишком много ушей и глаз. Времена сейчас беспокойные, твоя необычная покупка может кого-нибудь заинтересовать. Мы только избавились от монголов, и иноземцам с Востока у нас не доверяют.

– Куплю еще немного славного китайского шелка, чтобы не гнать пустых верблюдов и уйду, – пообещал Хасим.

Прождав за городом еще одну неделю, Хасим, как было условлено, приехал к Шао.

– Товар готов, – обрадовал Хасима шустрый мастеровой китаец.

После того как мешки были погружены на верблюдов и расчет произведен, Шао отвел Хасима в сторону и зашептал:

– Не моего ума дела, зачем вам столько пороха, господин, но у меня к вам есть одно интересное предложение. Вы слышали, что на севере наш народ делает больших «огненных драконов»? Так называют большой железный шар, наполненный этим чудесным порошком, и снабженный небольшим фитильком. Фитиль поджигают, а шар катапультной запускают в неприятеля. Я, господин, научился делать «маленького дракончика», для которого не нужна катапульта.

Китаец достал из кармана черный железный шар величиной с кулак, из которого торчала промасленная веревка.

– Этот «дракончик» хорош тем, что его можно бросать одной рукой. Перед этим всего лишь надо поджечь эту веревочку. Не желаете попробовать?

Китаец протянул кругляш Хасиму. Шар оказался холодным и тяжелым. Хасим покачал увесистый предмет в руке, словно взвешивая. Китаец проворно поджег торчащую веревку и, радостно улыбаясь, крикнул:

– А теперь, господин, бросайте!

Хасим с интересом наблюдал, как дымится фитиль, и мало заметный огонек, шипя, ползет к железному шару.

– Бросайте подальше! – крикнул Шао. Радостная улыбка сползла с широкого плоского лица.

Купец смотрел на диковинную игрушку в руке и не понимал, зачем ее бросать, а вдруг разобьется? Когда огонек подобрался к поверхности шара, Шао отчаянно толкнул руку Хасима и повалил купца на землю. Шар выпал и покатился к стоящим неподалеку верблюдам.

Маленькая точка огня на фитиле проворно юркнула под черную оболочку шара, словно мышка в норку. Через мгновение раздался громкий взрыв и все вокруг заволочло желтым дымом.

Глава 9. Инопланетян нет!

- Что ты думал? – удивился Анатолий бурной реакции Заколова.
- Я так и думал, – повторил Тихон. По всему было видно, что он возбужденно размышляет. – Никаких инопланетян нет! – воскликнул он, резко рубанув ладонью воздух.
- Анатолий тупо смотрел на него.
- Хорош руками махать, ты объясни, при чем тут инопланетяне? – нетерпеливо спросил он.
- Инопланетян на Земле нет. Если бы они регулярно прилетали, то современная техника зафиксировала бы их еще на подлете к Земле.
- Я тебе ничего не говорил про инопланетян, – недоумевал Толик.
- Да, все верно. Это мы сами – люди, человечество – проникаем в прошлое.
- Что? Поподробней ты не можешь? – начинал раздражаться Анатолий.
- Всякого рода летающие тарелки, которые видят то там, то здесь – это не инопланетяне, а обыкновенные земные летательные аппараты из будущего, которые каким-то образом проникают к нам в прошлое. То же самое и произошло с летчиком. Он на современном истребителе пронзил время и оказался на несколько столетий назад. Представь себе книжку, где каждая страница – это наш мир год за годом. И вот самолет, сделав какой-то необычный вираж, как шило проткнул толщу листов и оказался в том же месте, но много лет назад.
- Разве это возможно?
- Это логично! Понимаешь, мы живем не в трехмерном мире, а в четырехмерном. Четвертое измерение – это время. Если по обычным пространственным координатам мы можем перемещаться и вперед и назад, то почему по оси времени мы движемся только вперед? Очевидно, существуют условия, когда движение по шкале времени возможно и вспять. Причем, происходит это мгновенно!
- Ерунда! – возразил Сашка Евтушенко, до этого момента скромно молчавший, но внимательно слушавший друга.
- Почему? – не унимался Тихон. – Ты заметь, любые выдумки фантастов и народные сказки, которые на первый взгляд кажутся невероятными, рано или поздно реализуются в действительности. Так было и с самолетом, и с подводной лодкой, и с телевизором, и с телефоном. Возможно, и машина времени когда-нибудь станет реальностью. Ведь Эйнштейн доказал, что время не абсолютно. Оно меняет свои свойства в зависимости от скорости.
- Почему же летающие тарелки из будущего не приземляются и не вступают с нами в контакт? – скептически поинтересовался Сашка.
- Этого я не знаю. Они, наверное, тоже проникают к нам случайно и не умеют управлять этим процессом. Просто скорости их летательных аппаратов стали больше, и с ними происходит это чаще. – Тихон задумался. – А может в природе существует какой-то неизвестный объективный закон, который не позволяет вступить в материальный контакт предметам из разных столетий. Ведь один материал может быть произведен из другого, и им нельзя встречаться. Это нарушило бы последовательность событий! Может, тело из будущего, проникая сюда, приобретает свойства антиматерии. В лучшем случае оно отталкивается и возвращается назад. А в худшем, при контакте происходит взрыв, и антиматерия разрушается вплоть до атомов. Поэтому необъяснимые вспышки и взрывы время от времени случаются. Например, Тунгусский метеорит и тому подобное. А следов от Тунгусского метеорита, между прочим, найти до сих пор не могут.
- Ерунда все это! – категорично возразил Сашка. – Ненормальных людей полно, вот им и мерещится. Раньше во времена господства церкви люди видели чертей и ангелов, а сейчас в век технического прогресса они видят летающие тарелки и ракеты. Это же элементарно. В

католических странах, где много верующих, до сих пор дева Мария то одному, то другому является. Это все плоды больного воображения людей! Тут к психиатру обращаться надо.

– Мой тесть не больной, – возразил Анатолий. Ему стало обидно за нормального крепкого мужика. – Он военный летчик. У них знаешь как здоровье проверяют? Если бы кто другой сказал, я бы не поверил. Но он врать не будет.

– Так это с твоим тестем случилось? – удивился Тихон. – Он же командир эскадрильи.

– Ну, да! Мужик, что надо. Такой врать не будет, ему не померещится.

– От больших перегрузок у кого хочешь в глазах помутнеет, – возразил Сашка. – А на высокой скорости разве что разглядишь? Ну, видел он там каких-то путников и верблюдов. Да их и сейчас в Казахстане хватает. На верблюдах тут до сих пор ездят, а одеты местные аксакалы черти во что.

– Нет, он видел огромную армию с древним оружием, – объяснил Анатолий. – Десятки тысяч людей. Такого сейчас нет.

– Я ему тоже верю, – произнес Заколов. – Это подтверждает мою гипотезу.

Евтушенко решил больше не спорить, но остался при своем мнении.

– Интересно, а можно сейчас найти то место, где он видел древних воинов? – осторожно задал свой главный вопрос Анатолий. – Вот смотрите. Это местность, которую по памяти зарисовал тесть. А вот копия подробной современной карты.

Анатолий вынул бумагу, на которой была изображена река и верблюд. Этот рисунок он сделал со схемы тестя, но вместо сундука поставил простой крестик, а рядом поместил верблюда. Потом он достал кальку, на которую подробно перерисовал современную карту.

Тихон взял бумаги из рук Толика и наложил кальку на рисунок:

– Масштаб разный, поэтому ничего не совпадает. Но если мысленно уменьшить рисунок. Может здесь? – Указал он на карту, но сразу же закачал головой. – Нет, изгибы рек совсем другие.

– Я и так и этак прикидывал, – увлеченно подхватил рассуждения Толик. – Прямого совпадения нет. Но тесть уверен, что пролетал именно в этом квадрате и изобразил все точно.

– Джусалы, – Сашка прочел на карте название населенного пункта. – В тот район мы едем на риса.

– Да? – задумчиво произнес Толик. – Я пожалуй тоже с вами поеду. Меня с третьим курсом на стройке оставили. Но я попрошусь в поля с вашим курсом. Должны отпустить. С кем-нибудь поменяюсь. Многие, я знаю, в городе хотят остаться. А мне, честно говоря, пеленки и бессонные ночи с маленьким ребенком – во где сидят! Пусть пока без меня подрастет. Я с вами поеду. Сейчас в институт сбегая, запишусь в колхоз.

Тихон пристально рассматривал рисунок и карту.

– Верблюда хорошо нарисовал, а где же у тебя древние воины? – пошутил он.

– Я совсем забыл сказать! Верблюд-то не обычный, а белогорбый. Тесть четко разглядел. Он сказал, таких теперь нет. Может в древности водились? – Анатолий опять оживился. – Я почему хочу найти это место, а вдруг там сохранились останки неизвестного науке животного? Это же будет большое открытие! Наш вклад в науку.

– Белогорбый? – задумался Тихон. – Интересно.

– Да. Белогорбый, – подтвердил Толик. – И взгляд у него необычный, вдумчивый. Нет, тесть не так сказал – всепроникающий.

Неожиданно из-за спины Анатолия высунулось любопытное лицо Игоря Лисицина. Он был невысокого роста и подошел совсем незаметно.

– Что это у вас? – спросил Игорь и уткнул взор в карту.

– Игорек? – растерянно произнес Анатолий.

– Никак клад вздумали искать? – Безо всякой задней мысли пошутил Игорь, но удивленно отметил, как вспыхнули после этих слов щеки Толика. Игра в преферанс приучила Игоря внимательно относиться к любым изменениям в лице соперников.

– Ты что, Игорек. Так, ерунда всякая, – слишком скованно произнес Анатолий, стараясь забрать схему из рук Заколова.

Неубедительность его слов не скрылась от Игоря.

Тихон продолжал задумчиво смотреть на карту, не выпуская из рук и не прислушиваясь к чужому разговору.

– Знаешь что? – решил он, увидев, что Толик хочет забрать бумаги. – Можно я возьму рисунок с собой? Я подумаю, как найти это место. Я припоминаю, Альберт Эйнштейн что-то говорил про реки.

– Эйнштейн? Про реки? – удивился Анатолий. – Он же физик.

– Прежде всего, он умный человек. И высказывался на разные темы.

– Толик, я тебя здесь подожду, – видя, что напрягает приятеля, пообещал Игорь и отошел в сторону. – Ты хотел со мной потолковать насчет джинсов.

– Угу, – кивнул Анатолий, затем торопливо сказал Тихону. – Бери карту. Я еще раз могу нарисовать.

– Что-то у тебя сегодня повсюду Эйнштейн, – улыбнулся Сашка.

– Да я серьезно! – воскликнул Тихон.

– Только, мужики, – зашептал Толик, кося в сторону Игоря. – Пусть все останется между нами. Тесть не хотел, чтобы его слова не так истолковали. Вы же понимаете?

Ребята кивнули.

– Толик! – рядом раздался радостный девичий голос. – Это мы с Ванюшей пришли.

По дорожке катила голубую коляску улыбающаяся жена Анатолия Колесникова – Люба.

– Вышли погулять, и сюда потянуло, – поравнявшись с ребятами, объяснила она.

– Далеко ведь. Зачем? – Казалось, что Толик не очень рад встрече.

– Мы к папе хотим. – Как и все счастливые мамы, после рождения ребенка Люба чаще выступала от общего с ребенком «мы», чем собственного «я». При этом старательно сюсюкала, подражая малышам.

Тихон попытался заглянуть в коляску, чтобы сделать юной маме комплимент.

– Нет-нет, не покажу! Чтоб не сглазили, – перехватив его взгляд, шутя, но твердо заявила Люба.

Люльку в коляске прикрывала светлая вуаль. Из-под нее было видно, что ребенок завернут во что-то яркое с крупными красными цветами.

– Красивое покрывало, – заметил Тихон, поняв, что мама не желает, чтобы хвалили малыша.

– Это не покрывало, это специальный пакет. Чехословацкий. – Оживилась Люба. – Он на молниях. Мне его Толик привез. Ни у кого такого нет, только у нас с Ванюшей. А вот еще джинсы, – радостно похвасталась Люба, ловко извернувшись попой и похлопала по лейблу «Montana».

Подбежали девчонки, сокурсницы Любы, и окружили галдящей толпой счастливую мамашу. Стало ясно, что ради ажиотажного внимания подруг Люба и пришла сюда. Как никак первая на курсе родила.

Анатолий отошел к ухмыляющемуся Игорю. Сашка направился к входу в институт. Он рассчитывал прямо сегодня посетить институтскую библиотеку. Тихон потопал в общежитие, ему надо было собираться в дорогу.

Глава 10. Хасим. Осколок в голове

Хасиму показалось, будто рядом вспыхнула молния и ахнул гром. Купца присыпало землей, руки посекло жгучими песчинками. «Если я погибну, сына казнят», – ужаснулся Хасим. Оглушенный, он приподнялся и огляделся.

В голове шумело. Глухота постепенно отпускала, будто кто-то сначала затолкал в уши хлопок, а потом медленно волосок за волоском его вытягивал. Вскоре Хасим различал истошные крики людей и вой верблюдов. Два верблюда валялись на земле, а остальные в страхе разбежались.

Хасим первый пришел в себя.

– Поймать всех животных и собрать в одном месте! – приказал он растерявшемуся командиру охраны Шакену.

Купец подошел к упавшим верблюдам. У одного – живот представлял кровавое месиво, оттуда большими толчками вытекала кровь, и выползали осклизлые кишки. Такую страшную рану, образовавшуюся в одно мгновение от непонятого хлопка, Хасим видел впервые. Молодой сильный верблюд выл, но звуки его стонов становились все тише.

Во второй лежащей рядом верблюдице Хасим узнал старую верную Шиху. С ней он за многие годы прошел тысячи километров.

Шиха лежала молча, с закрытыми глазами. На первый взгляд тело было не повреждено, но потом Хасим разглядел большой осколок от «огненного дракончика» глубоко застрявший в ее голове. Неожиданно Шиха приоткрыла сморщенные веки и взглянула прямо в глаза Хасиму. Ее верхняя губа шевельнулась, словно верблюдица что-то хотела сказать, после чего взор затуманился, и большие глаза закрылись. Хасим нагнулся над доброй мордой.

Шиха не дышала.

Рядом вертелся встревоженный Шао, объясняя Хасиму, что он ни в чем не виноват, что «дракончика» следовало метать подальше. «Дракончик» предназначен для поражения врагов. Хасим и сам понимал, что в происшедшем есть доля его вины.

Постепенно перепуганные слуги собрали разбежавшихся верблюдов. Животные продолжали тихо голосить, кося испуганные глаза на погибших сородичей и нервно втягивая ноздрями резкий запах пороха, развороченного брюха и теплой крови.

В счет компенсации причиненных потерь Шао подарил Хасиму восемь «огненных дракончиков». Хасим приказал разделать погибшего молодого верблюда на мясо, и быстро трогаться в обратный путь. На грохот взрыва и крики животных собралось много любопытных.

Старую верную верблюдицу Хасиму почему-то было очень жалко. Он с болью смотрел на бездыханную тушу с прижатыми к животу натруженными ногами, и попросил Шао, ее захоронить.

Спешно обойдя Дуньхуан стороной, Хасим объявил привал уже глубокой ночью, когда караван отошел от города на изрядное расстояние. Взмолнованному купцу всю ночь снился пронзительный последний взгляд Шихи. В долгой кочевой жизни бок о бок с ней он провел больше времени, чем рядом с семнадцатилетним сыном.

Да, верно, вспоминал Хасим, Шиха была у него еще до рождения Рустама. Откуда же она взялась в его караване? Этого Хасим никак не мог припомнить.

Ранним утром Хасим проснулся от крика перепуганного слуги:

– Господин, посмотрите, кто пришел к нам!

Хасим как и все спал под открытым небом на войлочной подстилке. Откинув теплое верблюжье одеяло, незаменимое в караванных походах, он быстро поднялся и увидел стоящую рядом верблюдицу.

Без сомнения это была погибшая накануне Шиха!

Что это, продолжение сна? Хасим встряхнулся и огляделся. От ближайшего костра тянуло запеченным верблюжьим мясом. Нет, это реальность. Во сне не бывает запахов.

Верблюдица изменилась: взгляд ее стал вдумчивым и пронзительным, она смотрела на мир глазами уставшего и все понимающего существа. Но больше всего в ее облике выделялись абсолютно белые горбы. Они словно поседели. Хасим никогда не видел, чтобы шерсть верблюда становилась такой белой, как вечный снег в неприступных горах.

Верхом на верблюдице возвышался Шао. Шакен стоял рядом, недоверчиво поглядывал на китайца и на всякий случай положил руку на эфес сабли. Он не хотел, чтобы повторилось что-то подобное вчерашнему.

Шиха присела, китаец торопливо слез и поклонился Хасиму. Охранник Шакен пристроился сзади китайца, поглядывая на его руки.

– Господин, – торопливо заговорил Шао. – Я, как вы просили, попытался захоронить верблюдицу. Я уже выкопал яму, но она вдруг начала дышать, зашевелилась и встала. Пока она поднималась, ее горбы прямо на моих глазах побелели. Это произошло так быстро, что мне стало страшно. Я подумал, что злой дух вселился в мертвое тело. Если бы это было так, я бы узнал зло по глазам верблюдицы, и убил бы ее снова. Но она смотрела хорошо. Шайтан не сможет так притвориться. Тогда я решил привести ее к вам. Я не знал, по какой дороге вы пошли, было уже совсем темно, следов не разглядеть. Но она, – Шао уважительно показал на Шиху, – сама выбирала путь, шла быстро и уверенно. Мне показалось, что она тщательно нюхивалась, прежде чем выбрать дорогу.

Хасим со смешанным чувством удивления и тревоги разглядывал стоящую рядом на мозолистых коленях Шиху. В ее голове виднелся большой железный осколок. Казалось, со вчерашнего дня он впился еще глубже внутрь черепа животного. Хасим протянул руку, решив вытащить кривую железку, но верблюдица недовольно дернула головой и встала на ноги.

– Господин, я еще вот про что хотел вам сказать, – тихо заговорил Шао, оглядываясь на Шакена. Хасим кивком подтвердил, что от охранника у него нет тайн. Китаец продолжил: – Вчера, как только вы ушли, из города прискакала группа стражников. Они спрашивали, когда

и куда ушел ваш караван? По их разговорам я понял, что власти, узнали о вашей покупке. Они думают, что вы тайный лазутчик Тимура и пришли в нашу страну для того, чтобы взорвать важные мосты. Они получили приказ схватить вас. – Шао умолк. Потом стал раскланиваться и прощаться. – Теперь мне надо быстро уходить, меня не должны здесь видеть.

Шао еще раз скромно поклонился и спешно зашагал в обратном направлении. Он уходил прямо на восток, и вскоре его нельзя было разглядеть в ярких лучах восходящего солнца.

Хасим, сощутив глаза, смотрел, как яркий свет поглотил тонкую фигурку в треугольном колпаке. Он с тревогой думал, что вот-вот со стороны светила может появиться вооруженный отряд китайских воинов. Удастся ли уйти от них?

Солнце, выкатываясь каждый день все выше и выше, с равнодушным упорством неумолимо приближало весну. К ее разгару Хасим должен быть в Золотой Орде. Там томился юный Рустам, а у Тохтамышша в любой момент могло лопнуть терпение.

Верблюдица Шиха тоже повернула голову в сторону Дуньхуана и глубоко втянула воздух расширившимися ноздрями. Она ясно чувствовала надвигающуюся оттуда опасность. Опасность исходила от людей и предназначалась другим людям. Эти двуногие животные никак не могут поделить такой большой мир, подумала Шиха.

Глава 11. Странное место

Заколов пришел в общежитие и первым делом заглянул в комнату к братьям-близнецам Перегудовым. В общежитии их все называли братьями, делая ударение на «я». Те сосредоточенно собирали рюкзаки. В движениях чувствовалась основательность и опыт.

– Что братья-то с собой? – поинтересовался Тихон.

– Одежду попроще и потеплее, и жратву на первый день, – пояснил командир отряда Влад.

Из двух близнецов его все считали старшим. Он действительно, как подтверждали братья, родился минут на пятнадцать раньше, и хотя и был чрезвычайно похож на Стаса, выглядел и говорил как-то солиднее.

Тихон зашел к себе, быстро запихнул в небольшую сумку одежду для работы и взял две банки консервов, которые привез вчера из родительского дома.

Через полчаса за окном резко просигналил автомобиль. В комнату ввалились братья.

– Пойдем. За нами приехали, – позвал то ли Влад, то ли Стас. В одинаковых брезентовых куртках зеленого цвета и солдатских панамах с лихо загнутыми полями Заколов их не различал.

Подъехавший автомобиль оказался милицейским «уазом» с широкой синей полосой вдоль кузова. За рулем сидел сержант Федорчук, хорошо знакомый Заколову по прошлогоднему делу о пропаже абитуриенток. Сержант тоже узнал студента.

– Кого я бачу! Старый знакомый! – воскликнул он.

– Знакомый, но молодой, – отшутился Тихон. – Здравия желаю, товарищ генерал! Трое охламонов в ваше распоряжение прибыли.

– Да, зачем так официально, – кончики усов милиционера приподнялись, видимо обращение ему все-таки понравилось. – Можно просто – Николай, или Микола. Сидайте.

– Надеюсь, в этот раз не в кутузку повезете? – изобразив наигранный страх, поинтересовался Заколов.

– От шутники! – крикнул сержант. – Залазьте. Что делать по прибытии на место, знаете?

– Нас инструктировали, – коротко и строго ответил за всех Влад Перегудов.

Теперь, по солидному тону и серьезному выражению лица он легко выделялся среди братьев. В подобных ситуациях Влад всегда спешил брать руководство на себя, а сейчас он, ко всему прочему, был еще и официально назначенным командиром.

«Когда его успели проинструктировать?» – удивился Заколов.

Влад как начальник залез на переднее сиденье, а Тихон и Стас уселись сзади.

– Федорчук, а почему все сержанты милиции, непременно с усами? – с улыбкой поинтересовался Заколов.

– Да-а? И впрямь, – Федорчук пригладил усы, задумался. – Это чтобы от военных отличаться! Им не положено, а мы люди вольные.

До места ехали около двух часов. Как только выкатили за город, следы цивилизации постепенно исчезли. Асфальтовая дорога перешла в старую бетонку, выложенную из искрошенных занесенных песком плит. Вскоре под колесами замелькала плохо укатанная колея, а под конец пути машина шла уже напрямик через степь. Дорога отсутствовала напрочь, мелкие камешки и песок скрипели под колесами.

Федорчук вел машину медленно, глядя в горизонт и временами меняя направление движения.

– Ох, не люблю я эту пустую степь, – ворчал он. – С виду ровная безобидная, а на самом деле, и в яму свалиться можно, и в песке застрять. А как до ветра выйдешь, того гляди, змеюка

какая кусанет, а то еще эти, с клешнями как у раков: скорпионы поганые. С виду жук-шмако-
дьявка, а яду в нем столько – собаку или овцу напрочь убивает, а значит, и человека может.

– Скорпион – не жук. Он ближе к паукам, – пояснил Тихон.

– От успокоил! – крикнул милиционер и в сердцах сплюнул.

– Между прочим, в честь скорпиона названо одно из зодиакальных созвездий. Причем, еще тысячи лет назад. Значит, есть в нем что-то особенное.

– Какое созвездие? – переспросил Федорчук.

– Зодиакальное. Про знаки зодиака слышали?

– А-а, это! Ну, да. Лучше бы муравьем назвали, тот безобиднее и краше. А особенное в скорпионе одно! Змея только с головы кусачая, а у скорпиона – спереди клешни, а на хвосте жало ядовитое. Як таку тварь природа терпит?

– По знакам Зодиака в восточных странах астрологи гороскопы составляют, – поддержал разговор Стас. – Там гороскопы официально публикуют. Народ читает и верит в предсказания. Вот бы и у нас гороскопы печатали!

– Астрология, алхимия – это типичные древние лженауки, – убежденно заявил Тихон. – В нашей высокообразованной стране такой бред и читать никто не будет, если бы и печатали. Это в странах востока, где народ темный необразованный, правители таким способом людей дурят.

– А здесь тебе что, Запад? – усмехнулся Федорчук и озабоченно завертел головой, пыта-
ясь увидеть в пустынном пейзаже хоть какой-нибудь ориентир. – Здесь тебе самый настоящий
Восток. Рядом в пятидесяти верстах стартуют ракеты с космонавтами, а здесь люди боятся, как
бы колдун не навел на них порчу.

– Колдун. Порча. Скажете тоже. – Тихон улыбнулся. – Сейчас ведь не каменный век. Кто
в это поверит?

– Это в Москве, может, не верят. А поживешь в этой глуши и не в такое поверишь. Ты
побачь кругом, – Федорчук широким жестом показал на окрестности. – Здесь за пятьсот лет,
наверное, ничего не изменилось. Дикие места. Людей нет. Вишь, даже дорогу не наездили.

– Поглядите! Вон два верблюда! – удивленно показал Влад.

– Небось, колдуна. Значит подъезжаем. А может из аула заблудили. Верблюды здесь все-
гда сами по себе пасутся.

Федорчук вытянул нос над рулем, всматриваясь вдаль, наконец, разглядел впереди
крышу длинного барака и искренне обрадовался:

– Вот, черт, нашел! За два года дорога совсем затерлась. Когда уборочная начнется, может
грузовики и накачают. В прошлом годе здесь в степи вашего брата студента не было. После
того случая испугались ваши преподаватели сюда ехать. Всех тогда в районный центр на ток
отправили, зерно молотить.

– После какого случая? – заинтересовался Влад.

Но автомобиль уже подкатывал к приземистому бараку, сержант милиции внимательно
осматривал постройки и не расслышал вопроса.

– Приехали, – громогласно заявил Федорчук, когда остановил машину. – Вот ваша бер-
лога. Дыра несусветная! Но для молодежи самый раз. Темно и от предков далеко. Так ведь,
хлопцы?

– Мы и так от них далеко, – ответил за всех Заколов. – И лишних пятьдесят километров
роли не играют.

– Ну, да, общага, – согласился сержант, вспомнив, где посадил ребят. – Но здесь вам не
город. Здесь все будет по-другому.

Выйдя из машины, ребята огляделись. В голой степи без единого деревца или кустика
стояли два вытянутых барака. По остаткам обшарпанной и местами обвалившейся штукатурки
можно было догадаться, что когда-то стены имели белый цвет. Между бараками располагался

длинный стол под навесом. С одной стороны навеса было сооружено что-то наподобие кухни с большой чугунной плитой, которую предстояло топить, по всей видимости, дровами. Рядом на невысоком кирпичном возвышении вытянулась цистерна для воды. В стороне расположились дощатые туалеты. Все это было покрыто мелким невесомым песком похожим на толстый слой пыли.

– Давно тут людей не было. Два года! Вот это дерьмо вам и предстоит облагородить! – чересчур бодро произнес Федорчук, словно пытался голосом разогнать скопившуюся тишину.

После гула шумного «уазика» звенящее безмолвие навевало тревогу.

– Теперь это ваш лагерь. Бараки есть, только колючей проволоки не хватает! – Милиционер рассмеялся одним голосом, оставляя неизменным серьезный взгляд, как конферансье, пытающийся рутинной шуткой расшевелить зал в начале концерта. – Я сюда уже третий раз студентов вожу. Контролирую по милицейской части. Первый раз обошлось, во второй – одного не досчитались. Посмотрим, как будет сейчас.

После этих слов сержант Николай Федорчук неожиданно потупился, что-то вспоминая.

– Что произошло во второй раз? – спросил Влад, вновь уловив в словах сержанта некую недосказанность.

– Первым делом советую подготовить спальни и кухню, – опять перешел на бодрый тон Федорчук, игнорируя вопрос Влада. – А пока, доставайте ваш жизненный запас.

Он открыл заднюю дверцу «уазика». Там в своеобразном багажнике за сиденьем стояли две канистры с водой и лежала грудa дощечек, сломанных из деревянных водочных ящиков.

Метрах в трехстах в стороне от бараков виднелась юрта с сильно вылинявшими, но некогда пестрыми нарядными стенами.

– А там кто-нибудь живет? – спросил Тихон у водителя.

– Казахский аксакал. Он тут, по-моему, сто лет живет. Еще когда этих бараков и в помине не было. По договоренности с вашим директором за институтским имуществом приглядывает. Местные его колдуном считают.

– Колдун! Что за бред? Я думал вы в машине про колдуна образно говорили, – удивился Тихон.

– Бред или нет, я не знаю, но про него всякое говорят. Местные сюда не суются, опасаются. А так бы все до последней лампочки растащили.

– Надо к нему пойти, сказать, что студенты приехали, а не воры, – предложил Влад.

– Только без меня. Да он и так уже знает, – покосившись на юрту, шепотом промолвил Федорчук.

– Откуда? Ему что, сообщили? – тоже тихо спросил Стас.

– По-моему, он нутром чует, – туманно объяснил сержант, потом перешел на нормальный громкий голос: – Вон там дальше – река, а с другой стороны еще подале – рисовые чеки, где вам предстоит горбатиться.

Федорчук вновь рассмеялся собственной шутке. Тихон посмотрел в указанное направление. Вдалеке над коричнево-желтой степью еле заметно возвышалась ровная полка насыпного вала.

– Пойдем, проверим, что тут в бараках сохранилось, – предложил милиционер. – А то, вдруг колдун мертвяка подкинул.

– Вы все шутите? – насторожился Стас.

– Да какие тут шутки. Два года назад мы тела так и не нашли.

Тут уже не выдержал и Заколов. Он встал прямо на пути сержанта и твердо спросил:

– Слушайте, Федорчук. На что вы все время намекаете?

– Х-мм, – замялся сержант. – Мне, вообще-то, начальник говорил, чтобы я вас шибко не пугал старыми историями.

– Рассказывайте, рассказывайте, – поторопил Тихон. – Вы нас больше пугаете недомолвками.

– Такого как ты напугаешь, пожалуй, – скептически покачал головой Федорчук. – Ну, хорошо, тем паче, что ничего страшного и не было. Два года назад здесь за старшего был преподаватель из вашего института Бортко. Слышали про такого? Нет. Ну, понятно, вы только год как учитесь. Бортко Семен Михайлович, если мне помнится, вел в институте что-то из области партийных наук: историю КПСС, философию и прочее в этом роде. Сюда он, как мы потом выяснили, вызвался ехать сам, хотел изучить сельское хозяйство не в теории, а на практике. Были у него какие-то глобальные идеи, письмо в обком после этого хотел написать или прямо в Москву. Но это не важно. Важно то, что в один из дней, он вдруг взял и пропал. Исчез бесследно. Прямо здесь. Только что его все видели, и тут – бац! Его нет! Но, это мы уже потом все детали выяснили. Нам местный председатель колхоза позвонил. Сюда я приехал вместе с нашим начальником Петелиным Виктором Петровичем. Ну, ты-то Заколов его знаешь.

Тихон кивнул, внимательно слушая рассказ сержанта.

– Ну, приехали мы сюда сразу после сообщения. Сначала думали, глупость какая-то, а может, шутка. Студенты – они ведь шутники, всегда что-нибудь учудят, тем более, если такой большой компанией собираются. Но оказалось – дело серьезное. Приехали мы на следующее утро после исчезновения Бортко. До этого, хотя студенты и удивились его пропаже, но думали, что к утру человек появится. Да и не могли они раньше сообщить. Связи – никакой. Ну, мы приехали с Виктором Петровичем, всех опросили, и картину детально восстановили. Дело было перед ужином. Все студенты уже вернулись с рисовых полей, так что свидетелей полно. И вот зашел у вашего профессора Бортко спор со студентами насчет этого самого колдуна. Мол, есть материя, а есть сознание. Материя первична, сознания без материи не бывает, и все в таком роде. А тут один возьми и скажи, что бывает и наоборот. Поток сознания можно влиять на материю, и что колдун местный этим и занимается. Тут Семен Михайлович совсем уж из себя вышел. «Невежество, – говорит, – марксистско-ленинская философия нас не этому учит. Сейчас я вам этого колдуна приведу, и вы убедитесь, что это малограмотный отсталый человек, и что он может пудрить мозги только еще более безграмотным людям, а не советским передовым студентам». Сказал это и пошел прямо к юрте. Вон туда.

Федорчук показал на юрту. Ребята дружно, как по указке, устремили вслед пытливые взгляды.

– А было еще не шибко темно, – продолжил рассказ Федорчук. – Все отлично видно, и десятки глаз смотрели, как Бортко шел к юрте. А двое студентов даже за ним увязались, но перед самой юртой оробели и заходить внутрь не стали. В стороне стояли. И вот, в самый тот момент, когда Бортко заходил в юрту, из-за этого угла барака, – Федорчук показал в противоположную сторону, – появился аксакал-колдун на верблюде. Верблюд его всхрапнул или промычал, не знаю, какие там звуки эти горбуны издают, и все студенты к нему обернулись. Кто-то из студентов сказал аксакалу: «А он к вам пошел», и показал на Бортко, заходящего в юрту. Колдун увидел, заволновался что-то крикнул и поскакал туда на верблюде. Не понравилось ему, что без хозяина в дом заходят. Оно и понятно. Около юрты колдун слез с верблюда, зашел внутрь и сразу пригласил тех двоих студентов тоже войти.

Федорчук замолчал, достал сигарету и закурил.

– Да-а, вот такие дела. – Он задумчиво глядел на юрту.

– А дальше что? – не выдержав затянувшейся паузы, допытывался Тихон.

– Дальше? – Федорчук недоуменно оглянулся. – А дальше ничего. В юрте Бортко Семена Михайловича не было. Никого там не было. Пустая была юрта. Это подтвердили и те двое ребят, что вошли первыми, и колдун, и другие студенты, кто прибежал туда, когда узнал в чем дело. Мы с Петелиным приехали на следующее утро. Проверили, конечно, эту юрту. Там

даже мебели нет никакой, спрятаться абсолютно негде. Да и зачем уважаемому профессору в прятки играть?

– Странная история, – задумчиво произнес Заколов.

– Места здесь такие, – Федорчук прошупал окрестности брезгливым взглядом.

– А много времени прошло с того момента как в юрту вошел Бортко, а потом заглянули студенты? – спросил Тихон.

– Минуты две. Сколько еще времени надо, чтобы отсюда до юрты на верблюде доехать? И стенки юрты мы проверили, – предупреждая следующий вопрос, уточнил сержант. – Там каркас из деревянных решеток состоит. Ячейки маленькие, человек не пролезет. Студенты стояли рядом, никакого шума не слышали.

– А вдруг, Бортко внутрь и не заходил, а обогнул юрту и скрылся в степи? – задумался Тихон.

– Теперь что угодно можно говорить. А тогда все показали, что видели, как Бортко откинул полог и в юрту шагнул. И степь – не лес, быстро не скроешься. Хотя я сам думал, может мираж какой приключился? Или массовый гипноз колдун устроил? Да, еще! На следующий день наш молодой лейтенант Андрюха Мартынов вызвался поискать преподавателя с собакой. У нас-то в штате ищеек нет, но у его знакомого была обученная овчарка. Дали собаке вещи Бортко понюхать и пустили по следу. Овчарка меж бараками повертелась и напрямиком к юрте направилась. Внутрь вошла, нюхала, мордой тыкалась, а потом как взвизгнет, подпрыгнет и – наружу. Стала тереться, лизаться, губа у нее быстро опухла, слюна пошла. Потом собака упала, у нее судороги начались. Лапами дергала, визжала, как ребенок, и околела. Лейтенант тогда плакал. Да и у меня слезы навернулись, так жалостно псина мучилась.

– А что с ней произошло? – спросил Влад.

– Пока овчарка помирала, колдун из юрты черного скорпиона вынес. Сказал, что это он собачку ужалил, а сам просто так на ладони эту тварь поганую держал. Руку вниз опустил, скорпион сполз на землю и юркнул куда-то. Вот такая чертовщина. – Федорчук достал новую сигарету и, заметно нервничая, закурил. – Документы и вещи гражданина Бортко остались на месте. Мы еще надеялись, что он дома объявится, или где в другом месте найдется. Но исчез ваш профессор, бесследно исчез.

Сержант молча докурил, шурясь от едкого дыма сигареты без фильтра, затоптал окурки и подошел к двери барака. Ребята тоже молчали. После выслушанной истории они по-новому оглядывали странное место: внимательно и настороженно.

На двери барака висел замок. Федорчук порылся в огромных карманах и извлек большую связку ключей. Поковырял в замке то одним, то другим, пока не нашел нужный. Ржавый замок, скрипя нутром, признал родной ключ и нехотя отпустил тяжелую дужку. Дверь под рукой сержанта неприятно взвизгнула петлями, качнулась наружу и разъявила темную прямоугольную пасть. Сверху одиноким кривым зубом косо опустился наличник. Федорчук поправил дощечку и шагнул через порог.

Внутри барака с одной стороны шел длинный коридор, а напротив были выгорожены несколько больших отсеков. Ребята вслед за Федорчуком вошли в узкий коридор и заглянули в одну из дверей. В полутемной комнате стояли голые двухъярусные железные кровати. Николай Федорчук шелкнул выключателем. Ни одна из лампочек не загорелась.

– Ах, да! Требо рубильник на трансформаторе включить. Там, на крайнем столбе. Потом врубим.

– Надо форточки открыть – духота. – Влад прошел к пыльным окнам и открыл большие квадратные форточки.

Заколов тем временем заглянул в остальные отсеки. Ему все казалось, что вот-вот в каком-нибудь из них он увидит пропавшего преподавателя Бортко или то, что от него осталось.

Федорчук, громко топая башмаками, прошел вдоль коридора и открыл ключом из связки маленькую торцевую комнатку без окон. Она вся была беспорядочно завалена матрасами.

– От, матрасы! – радостно воскликнул милиционер. – Я же говорил, все на месте. Раскидайте их по кроватям. А умывальники развесьте около столовой.

Он слегка пнул грудю цилиндрических железных умывальников. Верхний умывальник качнулся и, гремя пустым брюхом, скатился вниз. Подошедший Стас наклонился, приподнял его, но тут же пальцы его разжались, и он как был в полусогнутом состоянии попятился назад.

– Смотрите, ноги, – дрогнувшим голосом просипел он и показал в темноту на торчащие из-под матрасов кирзовые сапоги.

Глава 12. Голос из темноты

Услышав тревожный возглас, Тихон с криком «Нашли!» сразу же прибежал к темной кладовке. Ему во всем хотелось четкости и определенности, какой бы неприятной она не была. Объяснения про колдовство и чертовщину его не устраивали.

Все сгрудились и уставились на подошвы сапог. Было похоже, что кто-то завалил тело матрасами. Заколов принялся. Из комнаты разило затхлостью и пылью.

Ребята вопросительно посмотрели на милиционера. Побледневший Федорчук медленно наклонился и осторожно потянул сапог. Тот легко выскользнул из-под матрасов.

– Фу ты, пустой! – Николай в сердцах кинул сапог в сторону. – Даже меня, опытного волка, засмушали. Надо все-таки свет врубить.

Все вышли наружу. Федорчук подошел к трансформатору, открыл завинченную болтом дверцу, сдунул пыль с большого рубильника и осторожно перевел его в нижнее положение. Щелкнули клеммы, в некоторых окнах барака вспыхнул свет.

– Во! Ну, прям цивилизация! – Федорчук откровенно радовался каждому мелкому событию, как ребенок вновь найденной позабытой игрушке. – Ну, тут я бачу все в порядке. Берите ключи. Приведите, что сможете в божеский вид, а я отчаливаю. У нас еще с шефом мероприятие на ночь запланировано.

– Бандитскую малину будете брать? – пошутил Тихон.

– Малины тут не водится, только верблюжьи колючки, но пострелять придется, – туманно ответил Федорчук. – Ну, бывайте, хлопцы! Основные силы подвоят завтра и подвезут необходимые припасы. А мне надо до темени успеть в город вернуться.

Сев в машину и заведя двигатель, он, перед тем как тронуться, вдруг высунулся из кабины и громко крикнул:

– Хреновое это место, я вам скажу. Странное. Ну, ничего. Вам бы день простоять, да ночь продержаться!

Ребята, застыв на месте, проводили отъехавшую машину. Каждый думал: что же именно хотел сказать милиционер последней фразой? Пошутил или о чем-то предупредил?

– Ладно, мужики, приступаем к делу, – после затянувшейся паузы взял на себя бразды правления Влад.

Ребята проверили второй барак, который мало чем отличался от предыдущего. Обустройство начали с разноса матрасов и подушек по кроватям. Сначала они делали это с бодрыми шутками, но кроватей оказалось много, и каждый последующий пыльный матрас казался тяжелее предыдущего. Потом Влад предложил лишь немного подмести полы. Воды для нормальной уборки все равно не было.

Когда покончили с работой внутри бараков, студенты развесили умывальники на двух досках рядом с цистерной, и сунулись на кухню. Здесь громоздилась чугунная печька с двумя огромными конфорками, а рядом примостилась отдельная низкая печурка, приспособленная под большой полукруглый чан. Из угла на ребят пялился огромный солидный медный самовар. Он походил на неухоженного одинокого старика. Кран напоминал скрюченный нос, раскрытая внизу топка – беззубую пасть, ручки по бокам – оттопыренные уши, а мятая труба сверху – старомодный колпак. Вдобавок, сквозь пыль просматривались бороздки нацарапанных глаз.

Заколов протер медный бок, прикрыл топку – взгляд старика-самовара повеселел.

И печь и самовар топились дровами или углем. Тихон был уверен, что такие древние агрегаты давно нигде не используются, и увидеть их можно только в антикварных магазинах или музеях. Ребята с тоской посмотрели на громоздкие пыльные кухонные принадлежности. Всем уже хотелось есть.

– Сегодня мы этим пользоваться не будем, – высказал общее настроение Влад. – Поужинаем консервами, а воду для чая я кипятильником разогрею.

Стремительно темнело. Тихон щелкнул выключатель. Над столом под открытым навесом вспыхнула лишь одна лампочка, и мрак за пределами освещенного шара сразу сгустился.

Ребята уселись за предварительно вымытый стол. И тут обнаружилось, что на свет лампочки слетаются тучи комаров. Казалось, что лампочка служит маяком и сигналом к сбору всех комаров в округе. Насекомые мельтешили огромным пищащим облаком, частично заслоняя свет.

Заколов помахал широко раскрытой ладонью, желая отогнать надоедливых насекомых. Это не возымело никакого эффекта. Рука чувствовала явное сопротивление не только воздуха, а еще и густой подвижной массы. Столь плотного сборища комаров Тихон никогда не видел. Возможно эти комары ни разу не видели искусственный свет и прилетели сюда только с познавательными целями? Но нет, повинувшись инстинкту, многие из них дружно тыкались в открытые кисти рук и лица ребят.

– С рисовых полей налетели. Там же все водой было залито. За лето расплодилось, – сделал Тихон печальный вывод. – Как мы тут с ними уживемся?

Он приподнял железную кружку с горячим чаем. В чае уже плавало несколько комаров, а над самой поверхностью густо кружили десятки их любопытных собратьев. Всех так и тянуло к горячей сладкой жидкости, словно они хотели туда нырнуть. И точно, глупые насекомые один за другим падали в кружку и оставались там, несмотря на отчаянное дрыганье лапками.

– Это уже не чай, а суп какой-то, – поморщился Заколов и отодвинул кружку.

Сотни комаров пищали тонко и противно. Вдруг сквозь их писк Заколову послышался тихий вкрадчивый голос:

– Здравствуй, Тихон.

Заколов вздрогнул. Влад и Стас невозмутимо сидели напротив и сосредоточенно ковыряли вилками в банке тушенки. По их виду было понятно, что они ничего не слышали.

Тихону показалось, что голос раздался откуда-то сзади, из-за спины. Он осторожно обернулся, но никого не увидел. Тусклый свет грязной лампочки не пробивался сквозь темную бездну наступающей ночи. Может, померещилось?

– Добро пожаловать в степь? – вновь послышался тот же неприятный голос.

Тихон вспомнил слова сержанта милиции о колдуне, и ему стало зябко. На этот раз прекратили жевать и братья. С открытыми ртами они пытались разглядеть, откуда исходит странный голос.

Глава 13. Где Федорчук?

Ну, где запропастился Федорчук, все более раздражался майор Петелин, сидя в кабинете. Проректор из института попросил отвезти студентов в колхоз, проверить там обстановку, ну, в общем все, как и в прошлые годы. Там дел-то – туда да обратно прошвырнуться. Уже десятый час, а сержанта с машиной до сих пор нет. А ведь знает, гад, что сегодня в ночь они едут охотиться на сайгаков. Все обговорили заранее! У майора и бутылочка припасена, да не простая белая, а ядреная настойка «Охотничья». Дефицитный товар, горло дерет, на ветру согревает, и главное – название лучше не придумаешь – в яблочко!

Не пропустить ли рюмочку сейчас, задумался притомившийся майор. Нет, эту бутылку надо оставить на самое начало охоты. Когда только выедешь в ночную степь, откроешь лобовое стекло на «уазе», приладишь ружьишко, почувствуешь бодрящее покаяние иголок азарта – вот в этот момент и следует распить пузырек для согрева, и за удачную охоту. А потом врубишь дальний свет, и вперед, в открытую степь, гонять сайгаков.

Их сейчас полно. Жирок за лето нагуляли, к зимовке готовятся. В этот период их мясо самое сочное. Главное, побыстрее обнаружить стадо, пока кураж бьет в голову, и настроение – словно взбесившийся скакун. А как увидишь толстоносых степных антилоп, скорость на всю катушку и – погоня! Они, стервецы рогатые, километров семьдесят могут бежать, ну а «уазик» родной – все сто! Да и дышалки им надолго не хватит. Железо с бензином сильнее любого зверя.

Эх, вон ружье стоит! Уже заряжено. И пистолеты с собой возьмем, на всякий случай. Жаль, что карабина нет, а еще лучше автомат, как у военных. Из автомата можно столько голов нашмалить! Не напрягаясь.

Но из автомата не интересно. Увидел стадо, встал посреди степи и пали во все стороны, пуля-дура достанет. Это удовольствие для лейтенантов первогодков. Во время охоты весь кайф в погоне! Когда видишь перед собой в свете фар мелькающие курдючные задницы. Машину подбрасывает на кочках, сайгаки подсказывают, и надо уметь поймать прыгающие тушки на мушку и всадить картечь в цель. Это вам не в тире на спор по железкам бить.

Но у майора опыт в такой охоте большой. Добыча будет.

Так Петелину все живо представилось, что в глазах появились отблески азартного огонька, а в горле упрямо запершило в предвкушении бодрящей выпивки на свежем воздухе. Эх, чего ждать-то? Беленькую «Русскую», которую на утро припас под свежее мясо, можно и сейчас откупорить.

Виктор Петрович достал из собранной заранее сумки бутылку водки, скovyрнул пальцами нехитрую пробку, благо «язычок» имелся, а то в последнее время заводы стали на них экономить, и налил две трети стакана. Больше пока не надо – сдержался он.

Неспешно, в несколько глотков выпив приятную жидкость, милиционер сунул руку в сумку, нащупал газетный сверток и извлек большой помидор сорта «Бычье сердце». Вгрызаясь в алую сочную мякоть, майор удовлетворенно отметил: хоть что-то дельное растет в этом казахском пекле. Огурцы ни черта не вызревают, сколько их не поливай – листья желтеют и отваливаются, а плоды загибаются крючком еще в зачаточном состоянии. А помидоры, видимо, солнце любят. Вон какие пузатые получаются – мясистые, огромные, не больше двух штук в килограмме. Жаль, засолить такие нельзя.

Еще арбузы здесь растут, дыни, вспомнил к чему-то майор. Надо будет снарядить Федорчука на колхозное поле за дыньками. Сейчас они как раз вызрели, пожелтели, корка мелкими трещинками покрылась, аромат чувствуется. Здесь, конечно, не Узбекистан и дыньки не того сорта, не такие сочные, зато дармовые, можно хоть центнер в поле набрать.

Ну, где этот Федорчук с машиной? Уже ночь начинается, самое время выезжать за глупым мясом, прыгающим на четырех ногах.

Сколько сайгаков надо забить сегодня? Штук пять хватит. Одного себе, другого Федорчуку, третьего ребятам в отделение, чтоб не обижались. Четвертого, пожалуй, прокурорским заброшу. Они хоть и сами могут нашмалять, но знак уважения проявить необходимо, вместе же работаем, общее дело делаем. Им самца надо добыть, матерово, чтобы с длинными рогами.

Любят военные рога из черепашки выломать, лаком покрыть, и на какую-нибудь резную доску присобачить. Среди солдат умельцев много, могут красиво оформить. А потом офицеры дарят друг другу этакое произведение искусства, бахвалятся, подшучивают. У Виктора Петровича и у самого такие рога имеются. Вон, в кабинете при входе висят. Фуражку удобно вешать, можно даже с нескольких метров бросать.

А пятую тушку Купчихе на станцию забросим, сладко подумал Петелин. Есть такая шустрая казашка, водкой и вином по ночам торгует. К ней весь город, если приспичит, по ночам бегает. Не беда, что четыре километра до станции, все равно туда тянутся. А где еще возьмешь? Магазины в восемь закрываются, ресторан в одиннадцать. Да в магазине водка не всегда и бывает, а у Купчихи в любое время суток есть, хотя и дороже, конечно. Вот, пятую тушку ей на обратном пути под утро и завезем. Надо будет помоложе сайгачиху выбрать, чтобы мясо нежнее было. Там и позавтракаем. Шустрая Купчиха прямо во дворе пожарит по куску самой отборной парной вырезки.

Майор, прикрыв глаза, представил заключительный колоритный аккорд в сюите под названием «Охота на сайгаков». Запах мяса поджаренного с кровью на живом огне, бодрящий утренний воздух, умножающий и без того зверский аппетит, нагулянный за ночь, и добрая водочка. Что еще надо уставшему мужику, пришедшему к очагу с богатой добычей?

«Да где этот чертов Федорчук?», – в очередной раз хмуро ругнулся Петелин и налил еще пол стакана водки. Недоеденная половинка большого помидора красовалась на столе разорванной пунцовой плотью. Вот как раз и пойдет под вторую порцию, подумал Виктор Петрович, поднося стакан к губам.

Дверь в кабинет без стука распахнулась, и на пороге появился Федорчук. Правая кисть его руки, прижатая к груди, была замотана большой не совсем чистой тряпкой.

– Ты где пропадал? – раздраженно воскликнул майор, поперхнувшись от неожиданности.

– Так это! Не дорога, а черти что! – возмущенно повел левой рукой сержант.

– Черти что, черти что, – ворчал Петелин. Он уже прокашлялся и закусывал остатками помидора. – Поконкретней докладывай.

– Так это! Я ж говорю, – собрался с мыслями и вытянулся перед начальником Федорчук. – Напрямки по степи возвращался – все нормально, а свернул на колею и сразу огромную железку подцепил. От комбайна, что ли, отвалилась, или от трактора. Баллон мне, сука, пробила, под крыло затянулась, и колесо заклинило. Я машину поддомкратил, и так и этак колесо сдернуть пытался – не идет, стерва. А инструмента у нас никакого нет, сами знаете. Я руку подсунул, дернул со всей силы за ту железку! Машина повалилась в мою сторону, домкрат под кузов отлетел, колесо подломилось, и вся махина как рухнет на мою руку! Вот, – сержант поднял перемотанную в грязном полотенце руку. – Железка ладонь до костей распорола. И что самое хреновое, меня придавило, не могу руку из под машины вытащить. И хоть бы один гад рядом проезжал. Пустыня, сами знаете. Я покричал, покричал, и стал руку откапывать. Пока откопал, пока рану прочистил, как мог, хорошо хоть вода в бачке омывателя была, стал думать, как машину поднять. Домкрат ведь под ней остался. Несколько часов провозился, а рука болит и кровище прет. Только сейчас доехал.

– Вечно у тебя приключения, – проворчал майор. – На охоту пора ехать.

– Какая охота, товарищ майор? Я бы рад, но мне в госпиталь надо. Я серьезно руку ухайдакал. Вот поглядите, – Федорчук сделал шаг к столу, снял повязку и сунул окровавленную кисть майору под нос.

– Да убери ты, – поморщился Петелин. – Вечно ты меня подводишь. Ни на кого нельзя положиться! – Майор уперся взглядом в бутылку и смилостивился: – На, выпей водки и дуй к врачам.

Начальник и подчиненный допили остатки водки. Петелин достал из сумки еще один большой помидор и разломил пополам.

– Закуси, – протянул он Федорчуку алый плод. – Бензина много осталось? Лимит мы еще не перебрали?

– Так сегодня первое сентября. Новый месяц начался – новый лимит пошел. Там в баке еще порядком будет.

– Сентябрь уже, – задумчиво покачал головой Петелин и показал жестом на стол: – Ключи мне оставь.

Сержант выложил ключи и осторожно спросил:

– Ну, я пошел?

– Валяй.

Виктору Петровичу совершенно не хотелось менять свои планы. Он специально сегодня выспался, собрал для дела все, что нужно, пришел на службу только после обеда в военно-полевой форме, между прочим, нового фасона. У знакомого прапорщика-интенданта на сайгачий задок выменял. А завтра у него был законный выходной! Если не в эту ночь, то когда еще такой расклад будет?

Глава 14. Хасим. Поход из Китая

Хасим сразу поверил в серьезность слов маленького Шао, о грозившей каравану опасности. Да и старый Джун предупреждал о чем-то подобном. Сделка с порохом завершилась, и опытному китайскому купцу, дорожившему репутацией, обманывать или лукавить было уже не с руки.

Китайцы только недавно избавились от власти монголов, прогнав чужеземных правителей на север за великую китайскую стену. Много веков угроза Поднебесной империи исходила оттуда. Но сейчас весь Китай с тревогой посматривал на запад.

Там набрал силу беспощадный Тимур, и никто не знал, куда он направит войска в следующий раз. Издревле повелось, что правители-завоеватели всегда стремились получить информацию от торговцев-путешественников о соседних городах и странах. И часто полученные сведения они использовали для достижения коварных военных целей. Поэтому к иноземным торговцам власти всех стран относились настороженно, подозревая в них шпионов.

Хасим прекрасно знал, как раньше в городе Отраре за одну ночь вырезали весь караван, пришедший из страны Чингиз-хана, посчитав их вражескими лазутчиками. Тогда еще в Средней Азии не знали, кто такой монгольский хан Чингиз, и думали, таким образом, его запугать. Но Чингиз лишь еще больше разозлился, и вскоре весь Отрар был залит кровью тысяч жителей.

Хасим на мгновение отбросил тревожные мысли и ласково посмотрел на воскресшую верблюдицу Шиху. Какое чудо ее спасло? Ведь он сам видел, как она испустила дух. А сейчас стоит полная сил, только шерсть на горбах поседела.

Всевышний опять дает ему добрый знак. В долгом походе еще один верблюд никогда не будет лишним.

Шиха смотрела вдаль, туда, откуда только что пришла вместе с Шао. В ее взгляде, обычно безразличном и равнодушном, как у всех вьючных верблюдов, Хасим с удивлением заметил пронизательность и тревогу. Или это ему только показалось?

Светало. Солнце поднималось над долиной. Командир охраны Шакен, обеспокоенный сообщением китайца, уже отдал распоряжение о скорейшем сборе в дорогу. Надо было быстро уходить, пока не появилась погоня. Вскоре караван стоял, готовый двинуться вперед. Шакен в ожидании смотрел на Хасима.

В такую минуту Хасим всегда вспоминал китайскую мудрость: даже тысячемильный путь начинается с первого шага. Сколько он сделал таких шагов? На этот раз Хасим решил остаться в конце каравана, чтобы первым увидеть возможную опасность.

Все ждали его сигнала. Шиха стояла рядом. «Всемогущий Аллах, дай нам возможность благополучно уйти из Китая», – мысленно попросил купец.

Он хотел дать отмашку головному погонщику каравана, но в этот момент низко утробно заголосила Шиха. Так она еще никогда не кричала. Хасим обернулся. На него смотрели встревоженные большие глаза верблюдицы. Она вновь издала странный возглас и повела головой в сторону гор. Хасиму показалось, что она о чем-то хочет ему сказать.

Бессловесная скотина пыталась что-то ему объяснить!

Шиха еще раз по-особенному взглянула на него, отчего Хасим, забыв о тревогах, ощутил мягкое тепло и мгновенно успокоился, будто пребывал не на чужой враждебной земле, а у домашнего очага. Верблюдица отвернулась и быстро зашагала в сторону гор, покачивая необычными белыми горбами. Она удалялась не оглядываясь. Хасим смотрел ей в след и вдруг, не отдавая отчета, сделал знак, чтобы караван следовал за ней.

Обычный проторенный многими купцами караванный путь лежал по равнине вдоль русла реки. Там стояли знакомые Хасиму поселения, где можно было разжиться едой, отдохнуть и узнать новости. Дальше, где река делала резкий поворот, располагался мост, которым пользовались все путешественники. Не про этот ли мост предупреждал Шао? Может, китайцы подумали, что его хочет взорвать чужестранец Хасим? Тогда именно по этой дороге китайские воины будут преследовать караван.

Но Шиха выбрала другой путь – через горный перевал. Так торговые караваны никогда не ходили. Хасим не знал эту дорогу, но когда караван по его приказу тронулся вслед за Шихой в направлении гор, он был необычайно спокоен и уверен в правильности выбранного пути.

Через несколько часов караван уже взбирался вверх по горному серпантину. На одном из поворотов Хасим, шедший последним, оглянулся. Внизу открывалась равнина, которую они недавно покинули. На том месте, где был ночлег, у потушенных костров стоял отряд вооруженных всадников. Солнце блестело на их шлемах. Хасим догадался, что это была погоня. Покружив коней на месте привала, всадники галопом поскакали на запад по основному караванному пути.

Хасим спешно заехал за склон горы, опасаясь, что его маленькую фигурку разглядят китайцы.

Глава 15. Знакомство с колдуном

Братья Перегудовы, не обращая внимания на укусы комаров, напряженно смотрели в темноту. Было заметно, что непонятный вкрадчивый голос их изрядно напугал.

Однородная черная мгла тем временем пришла в движение, что-то в ней колыхнулось, и на свет бесшумно выплыла темная фигура. Появившийся человек был одет в рыхлый деревенский ватник, на голове громоздилась большая остроконечная войлочная шляпа, поля которой отбрасывали тень на лицо.

Первая мысль Заколова: это и есть пресловутый колдун? Но как он узнал мое имя?

Незнакомец придвинулся ближе, тень от шляпы уменьшилась, и на свет показалось плоское лицо с узкими разрезами глаз и осторожной улыбкой.

Нет, решил Тихон, колдун должен быть старым, а этот, хоть и одет как-то странно, но по лицу видно, что молодой – безбородый. Постой! Тихон разглядел какие-то знакомые черточки в казахском лице. Где-то он уже встречал эту осторожную улыбку, также таинственно появляющуюся из темноты.

– Это я, Мурат, – представился незнакомец и еще сильнее растянул губы в выжидательной улыбке.

– Мурат?! – Тихон тут же вспомнил парня, которого встретил год назад в институтском подвале. – Как ты здесь оказался?

– Я здесь с дедом живу, – Мурат показал в ту сторону, где располагалась юрта.

– Так твой дед – колдун? – понизив голос, спросил Тихон.

– Какой он колдун, – обиделся Мурат. – Он мудрый аксакал, многое повидал, многое знает, иногда предсказывает будущее. За это люди и называют его колдуном. Но у нас, казахов, звание шамана считается почетным. – Мурат горько вздохнул и добавил: – Правда, дедушку чаще зовут колдуном.

– Предсказывает будущее? – удивился Влад.

– Тут нет ничего сверхъестественного. Он понимает законы природы и сущность человека, на этом основании и делает выводы. Глупых людей это пугает, Но ведь вы все умные, да? – В интонации звучала явная надежда на положительный ответ.

Ребята неуверенно кивнули. Заколов был убежден, что в нормальной жизни никаких колдунов не существует. Но здесь посередине дикой степи ничего нормального он пока не наблюдал.

– Кстати, дед приглашает вас в гости, – сообщил Мурат. – Я для этого и пришел.

– Нас, в гости? – удивленно и настороженно переспросил Влад.

– Да. Пойдемте. А то вас комары съедят. В юрте их нет.

Братья Перегудовы нерешительно переглянулись.

– Надо сходить, – оживился Тихон. Назойливые насекомые ему порядком надоели.

Ребята неспешно встали и молча пошли за Муратом. Когда они покинули освещенный конус, их сразу же облепила темнота. Студенты шли, напряженно глядя вниз, чтобы не споткнуться на незнакомой дороге. Только Мурат шагал уверенно и широко. Время от времени он поджидал остальных.

Около юрты все остановились. Сюда совсем не пробивался свет маломощной лампочки из-под навеса, и лишь блеск звезд и молодого тонкого месяца позволял различать контуры предметов. Рядом с юртой в темном проеме маленькой печки уменьшенным лоскутком ночного неба мерцали остывающие угольки. В стороне виднелись силуэты двух больших верблюдов. Если бы они стояли без движения, Тихон бы их вряд ли заметил.

– Пришли, – переминаясь с ноги на ногу, промямлил Мурат.

Заколову показалось, что из его голоса исчезла прежняя решимость, с которой он только что звал в гости.

В этот момент где-то далеко в степи раздался низкий протяжный заунывный вой. Верблюды дернули головой в сторону звука и замерли.

– Что это? – вздрогнул Влад.

– Степь, – как о чем-то живом сказал Мурат, оглядываясь за спину в непроглядную темень. Затем решительно шагнул к юрте: – Дедушка ждет.

Он раздвинул толстый войлочный полог, закрывающий вход в юрту, и шагнул внутрь. Вслед за ним по одному вошли ребята.

Юрта освещалась небольшой керосиновой лампой. У входа был застлан серый войлок, а дальше пол покрывали пестрые ковры. У дальней стены напротив входа на подушках сидел старик с клиновидной седой бородкой. Одет он был в широкий халат с затейливым, но не ярким узором, и в выдавшую виды тибетейку. Что-то в его широком лице Тихону показалось странным, но пристально разглядывать аксакала было неудобно.

– Дедушка, я студентов привел, – объявил Мурат.

– Салам алейкум, – трижды кивнул аксакал.

– Здравствуйте, – в разной манере ответили ребята.

– Проходите, рассаживайтесь, – от лица хозяина предложил Мурат, показывая на подушки, разложенные вокруг небольшого плоского чана прикрытого простым полотенцем. – Это мой дед, его зовут Бекбулат.

Мурат снял обувь. То же самое проделали ребята. Стараясь ступать осторожно все прошли на ковер и расселись на разложенные по кругу подушки. Мурат представил Тихона и вопросительно посмотрел на близнецов. Влад и Стас назвали свои имена, тревожно поглядывая на аксакала. Тихон оказался совсем рядом с хозяином юрты. Он посмотрел, как поджаты ноги у старого казаха и попытался усестись также. Колени вывернулись в стороны, в паху на некоторое время стало больно от непривычной растяжки. Братья тоже попытались усестись подобным образом, но потом просто плюхнулись на поджатые колени.

Аксакал убрал полотенце с чана и жестом пригласил ребят отведать пищу. Юрта наполнилась густым ароматом горячего риса, приправленного специями. Аксакал взял ложку и первым зачерпнул комочек риса. Ребята степенно разобрали ложки и принялись за еду. Рассыпчатый

рис содержал разнообразные пряности и хранил легкий запах костра. Ели молча. Братья сказали несколько хвалебных слов о вкусной еде, но аксакал лишь сдержано кивнул и не поддерживал разговор. Тихон искоса смотрел на местного колдуна, сидевшего к нему боком, но видел лишь широкую выступающую щеку, заслонявшую нос и глаза.

Когда хозяин юрты закончил еду и положил ложку, Мурат убрал опустевший чан. Вместо него он выставил пять одинаковых пиал и большой фарфоровый чайник. Бекбулат смотрел за действиями внука и один раз сдержано кивнул. Было похоже, что беседовать здесь полагается при чаепитии.

Заколов поискал в кармане платок, чтобы вытереть губы, но пальцы натолкнулись на бумагу со схемой, которую он взял у Анатолия Колесникова. Неожиданно ему пришла в голову мысль, спросить у аксакала про рисунок. Ведь старожилу, наверное, будет приятно проявить знания местности.

– Дедушка Бекбулат, извините, а вы не знаете, где находится вот это место? – спросил Тихон и протянул аксакалу рисунок с рекой, крестиком и верблюдом.

Колдун взял бумажку, уткнулся в нее и замер. Молчал он долго. Тихон подумал, что старик ничего не понял в схеме и стесняется спросить.

– Эта змейка – река Сырдарья, – пояснил он, придвинувшись к старику, и провел пальцем по извилистой линии. Потом он указал на крестик и спросил: – А где может быть это место? Вы не видите здесь ничего знакомого?

Тихон убрал палец и только сейчас заметил, что крестик имеет более длинную вертикальную черточку и от этого похож на изображение могильного знака. Заколову стало неудобно за небрежное обозначение. Он стусевался.

А в следующее мгновение ему стало и вовсе не по себе.

Бекбулат оторвал взгляд от рисунка и медленно повернул лицо к Тихону. Большие веки с короткими ресницами как натянутые шторы почти полностью скрывали глаза, оставляя узкие темные щелки. Неожиданно щели сверкнули, колдун впился пронзительным взглядом в лицо Заколова. Создавалось впечатление, что свет не отразился от темных зрачков аксакала, а вспыхнул изнутри. Но не это больше всего поразило Тихона. Сразу под глазами, там где у старика должен был начинаться нос, топорщилась маленькая горбинка. Под ней темнели две безобразные дырки. Самого носа не было вовсе. Вместо него виднелась затянутая грубыми рубцами лиловая кожа.

Заколов невольно отшатнулся. Из-за отталкивающих деталей лицо аксакала выглядело пугающим и злым. Не мудрено, что его считают колдуном, подумал Тихон, пытаясь незаметно отодвинуться.

– Кто нарисовал бумагу? – четко спросил старик.

– Один знакомый. Но это не важно, – поспешил ответить Тихон. – Мы просто хотим разыскать это место.

– Зачем? – Лицо колдуна надвигалось.

– Как вам сказать? – Заколов старался отвернуться, но безобразные ноздри и цепкие глазки колдуна незримо гарпунами вонзились в его лицо. Только сейчас Тихон задумался: почему у меркантильного Толика возник интерес к этому поиску? Для Тихона схема и карта выглядели, как условия интересной логической задачи, требующей нестандартного решения. А Толик говорил что-то про необычного верблюда, припомнил он. Так и надо объяснить старику. – Возможно, это место представляет интерес с точки зрения археологии или палеонтологии. Мы хотим покопаться там, только и всего.

Тихон добродушно улыбнулся, но его слова почему-то совсем не успокоили аксакала. Колдун еще раз тревожно сверкнул глазами и обратился по-казахски к Мурату.

– Дед спрашивает, что такое палеонтология? Как лучше ему объяснить? – перевел вопрос Мурат.

Тихон постарался ответить простыми словами:

– Ну, это, когда ищут кости, черепа умерших существ, и по ним определяют, кто это был, отчего он умер, и когда это произошло?

Бекбулат смерил Заколова тем же колючим пристальным взглядом, но в этот раз он окинул взором всю фигуру, словно старался получше разглядеть и запомнить нового человека. Затем аксакал вернул бумагу со схемой и полуутвердительно, полувопросительно произнес:

– Твое имя – Тихон?

– Да.

– Давайте пить чай, – предложил Бекбулат, ничего так и не сказав про рисунок.

Мурат наполнил пиалы ароматным зеленым чаем. Из-за стен послышался приглушенный, но отчетливый крик, похожий на вой. Крик, судя по всему, был такой же, как ребята слышали перед входом в юрту. Он был протяжным, однотонным и необъяснимо тревожным.

– Шиха, – прислушавшись, изрек Бекбулат.

– Шиха? – удивился Мурат. – Та самая?

– Да, – подтвердил старик. – Она вернулась.

– Кто такая Шиха? – осторожно спросил Тихон.

– Дикая верблюдица, – ответил Мурат и обратился к аксакалу: – Расскажи про нее, дедушка.

Бекбулат неспешно подул в пиалу, которую держал перед собой в сплетенных пальцах, сделал осторожный глоток и промолвил:

– В прошлом году она увела у меня Бараза – самого сильного верблюда. Так повелось издревле. Потом Бараз пришел обратно и сразу околел. Шиха забрала его силы. Она так делает всегда. Теперь у нее должен быть детеныш – новая Шиха. Она привела ее на землю предков. Я знал, что она скоро придет.

– А почему она кричит? – поинтересовался Тихон.

– Если Шиха кричит – это нехорошо. Что-то ей не нравится, – сказал старик, и на его безобразном лице проступила явная тревога.

Глава 16. Охота на сайгаков

Кого взять с собой на охоту вместо Федорчука, задумался майор. Может соседа, преподавателя техникума? Он стрелять, конечно, не умеет, но машину-то водит, и от мяса дармового не откажется. А ему сейчас и нужен только водитель. Надо подъехать, уболтать мужика, пока тот спать не лег, твердо решил майор.

Петелин подхватил ружье, сумку с закуской и патронами, спустился к машине. Отъехав от отделения милиции и как следует разогнавшись, он вдруг заметил идущего навстречу по безлюдному тротуару старшего лейтенанта Мартынова. Майор с визгом затормозил.

– Мартынов, ты куда? – высунувшись из автомобиля, крикнул Петелин.

– В отделение, товарищ майор. Я же на дежурстве, – недоуменно ответил Мартынов. – Ходили с Евтеевым в детский сад. От жильцов сигнал поступил, что там молодежь песни горланит и бутылки бьет.

– Ну и как?

– Молодежь из детского сада выпроводили, товарищ майор. Они ушли. Но я Евтеева пока там оставил. Минут двадцать пусть подежурит, чтобы горлопанам было не повадно возвращаться.

– А, ну молодец, – майор рассеяно похвалил старшего лейтенанта, обдумывая только что возникшую мысль. – Знаешь что, залазь в машину! Со мной поедешь.

Мартынов послушно сел на переднее сиденье справа от майора. Петелин хмуро уставился на него:

– Что получается, начальник везет подчиненного? Нет, давай-ка ты за руль.

Когда они поменялись местами, майор закурил, развалился на сиденье и скомандовал:

– Поехали за город.

– Поступил сигнал? – поинтересовался Мартынов.

– Какой, к черту, сигнал! По личному делу едем.

– А как же мое дежурство? – осторожно спросил начальника старший лейтенант.

– К черту дежурство. Город уже спит. В Багдаде все спокойно! – припомнил майор фразу из известного фильма, сам рассмеялся и строго добавил: – До утра поступаешь в мое непосредственное распоряжение.

Они не спеша выехали за город. Здесь не было ни освещения, ни встречных машин.

– Что ты плетешься, как дед на ишаке? Погнали! Кто нас тут остановит? – скомандовал Петелин.

Мартынов прибавил скорость. «Уазик» миновал железнодорожную станцию Тюра-там и помчался по пустынной дороге, уходящей в непроглядную темень.

– А куда мы едем? – поинтересовался старший лейтенант.

– Как куда? Я тебе разве не сказал? – искренне удивился майор. – На охоту. Сайгаков бить. Э, да ты еще не был с нами на таком славном мероприятии. Много потерял! Но сегодня я тебя посвящу во все прелести опасного дела. Это настоящее мужское занятие! Представляешь, ты и зверь, и больше никого. Кто победит?

Старший лейтенант покосился на заднее сиденье. Там лежало ружье.

– Конечно мы, у нас же оружие, – ответил он на риторический вопрос.

– Э, да не в этом дело. У скотины тоже есть острые рога и быстрые ноги. Тут главное – азарт, погоня, стрельба! Я же говорю, во время охоты ты чувствуешь себя настоящим мужиком. Добытчиком, как в древности! И еще, знаешь, как приятно после дела расслабиться и насытиться добычей, которую сам, своими руками отнял у дикой природы.

Они гнали еще некоторое время по пустынной дороге, пока Петелин, рассеяно глядя по сторонам, не скомандовал:

– Хорош! Сворачивай!

– Куда? – не видя впереди никаких поворотов, переспросил Мартынов.

– Да, туда, прямо в степь, – неопределенно махнул рукой майор.

«Уазик» свернул с наезженной дороги и покатил по ночной степи, изредка раскачиваясь на мелких ухабах. Петелин инструктировал:

– Теперь не гони. Езжай напрямки километров пять, там остановишься. Дальним светом не мелькай, зверье распугаешь.

Проехав около шести километров, Мартынов остановил машину.

– Глуши двигатель, выключай свет, – скомандовал Петелин. – Теперь начинается самое интересное.

Мартынов все выключил. Мрак и тишина сразу же окружили их и попытались протиснуться в машину. Петелин подождал с минуту пока глаза освоились в темноте, а уши отошли от шума двигателя.

– А вот теперь мы для начала подкрепимся. Поддай-ка мою сумочку.

– Виктор Петрович, а как же мы будем охотиться в темноте? – спросил Мартынов, доставая сумку с заднего сиденья.

– Э, да скоро все увидишь, – ухмыльнулся Петелин. Роль опытного наставника ему начала нравиться. – Я все на практике объясню. Сперва давай перекусим. Смотри, что я припас.

Петелин достал вожделенную бутылку «Охотничьей» и разлил половину содержимого в две железные кружки.

– Я, вроде как, за рулем? – неуверенно произнес старший лейтенант.

– А я за ружьем! – рассмеялся майор. – Вздрогнули! Тут детская доза. Это тоже часть ритуала. Мы – милиция, представители власти! Кто нам тут что скажет?

Они выпили.

– Горькая! Хорошо нутро дерет! – хрипло похвалил выпивку Петелин. – Угощайся, бери, закусывай, чем найдешь, – он развернул несколько газетных свертков. – Вот котлетка домашняя – жена готовила, вот лучок. Ты, Андрюша, должен почаще с коллективом быть. И не только на службе, а вот так, как сейчас, в приватной обстановке. Знакомства надо со всеми поддерживать, без этого в наше время никуда.

– Я что, Виктор Петрович? Я не возражаю, – Мартынов разомлел под действием крепкого алкоголя и с аппетитом закусывал.

– Помнишь, как я тебе третью звездочку старлея пробил. Воспользовался случаем, аттестовал тебя как положено после того шумного дела в прошлом году, с задушенными студентками. Несколько раз высокому начальству звонил, чтобы учли твои заслуги, не забыли отметить. И думаешь, прислушались бы наверху, если бы я в свое время вот так, для кого надо, не устраивал мероприятия?

– Да я, Виктор Петрович, я... Я все понимаю, спасибо вам, – Мартынов застыл с не дожеванным куском хлеба во рту, уставившись на начальника.

– Тогда тебе вся слава досталась... Я, к сожалению, в отпуске был, – грустно вздохнул майор. – Но не в этом дело. Сейчас мы единое целое. Ведь так?

– Так, – кивнул старший лейтенант.

– Ладно, давай еще выпьем. – Майор плеснул остатки настойки в кружки. – За что пить будем?

Андрей Мартынов задумался и, немного стесняясь, произнес:

– А давайте, Виктор Петрович, за исполнение желаний.

– Ну, это женский тост. Бабы всегда о чем-то мечтают, закатят глаза в потолок и мечтают. Для мужика желание – это цель. И он должен добиться ее. Мечтать нам некогда. Надо смело брать быка за рога! Или телку за талию. – Петелин рассмеялся неожиданному каламбуру, протер заслезившиеся глаза и уже серьезнее спросил: – А у тебя какое желание?

– Ну я так в общем, – замямлил немного пристыженный Андрей. – Я хотел, чтобы вот задумаешь желание, и оно исполнится, как в сказке.

– Как в сказке говоришь, – майор улыбнулся, но в темноте его пьяная улыбка не была заметна. – Ну, давай за это.

Они чокнулись кружками и выпили. У майора последняя порция пошла тяжело. Он потряс головой, встряхнулся, расстегнул пуговицы на груди и вышел из машины. Свежий воздух приятно охладил потное тело.

– Тут на воле хорошо, Андрюша. – Петелин широко зевнул. – В машине и задремать недолго. А нам дремать нельзя. Пора в бой! Давай отвинчивай лобовое стекло.

Они вместе отвинтили болты, крепящие раму лобового стекла УАЗа армейской модификации. В этот момент из темноты послышался протяжный утробный вой. Крик был противным и пугающим.

– Что это? – застыв с приподнятой рукой, как в детской игре «морская фигура на месте замри», тихо спросил Андрей.

– А черт его знает, – прислушавшись, после некоторого раздумья, ответил Петелин. – На волка вроде не похоже. Где-то неподалеку кричит. А может, и далеко. Ночью все обманчиво.

– А тут и волки есть? – удивился Андрей.

– Ну так! Кто-то же должен гонять сайгаков, чтобы не зажирели. Постой! – Майор поднял палец и прислушался к окружающей темноте. – Слышишь? Топот дробный. Ну, слышишь? Это сайгаки. Точно – они! Вон там. Давай, по коням! – бодро крикнул он и запрыгнул в машину. – Врубай дальний свет и гони на полной туда!

Майор указал в темноту и выставил ружье на капот машины. Андрей завел двигатель и резко тронулся.

– Гони! Гони! Начинается самое интересное! – подзадоривал подчиненного майор.

Подбадриваемый криками, Андрей послушно набирал скорость и переключал передачи. Он гнал машину прямо, не разбирая дороги. Да и о какой дороге можно вести речь в дикой степи? Машину трясло на неровностях, она подпрыгивала на невидимых ухабах, и в такие моменты Андрею инстинктивно хотелось нажать на тормоза. Но майор постоянно подбадривал азартными криками:

– Дави педаль в пол! Догоняем!

Мелкие растения рваными волнами набегали на автомобиль, хлестали по кузову и скрывались под колесами. Камешки непрерывно стучали по днищу, взвизгивали амортизаторы, а руль трясся так, что у Андрея дрожало все тело. Он давил закостеневшей ногой на педаль газа, вцепившись руками в жесткий обод руля, и изо всех сил старался держать машину прямо. Объехать неожиданную кочку или кустик он даже не пытался. На такой скорости он боялся не справиться с машиной. Ветер, мгновенно став жестким и холодным, безжалостно хлестал в лицо, злобно врываясь в незащищенную лобовым стеклом машину. Воздушные волны настойчиво проникали под рукавами и через расстегнутый ворот под одежду. Андрею казалось, что он едет совершенно голым. Хотелось прикрыться от ветра и застегнуться, но отцепить коченеющие пальцы от прыгающего руля он не мог.

Рядом майор издал гортанный крик восторга, и сразу же грянули два выстрела. Андрей с испугу шарахнулся, машина вильнула влево, оторвав на несколько мгновений от земли правые колеса.

– Держать руль! – гаркнул майор, недовольно сверкнув глазами. – Гони за ними, – указал он правее.

И тут Андрей увидел, как в свете фар мелькают задние ноги многих животных. Стадо сайгаков неслось прямо перед ними, словно луч света указывал им дорогу. Голов животных не было видно, только ноги, увенчанные толстыми ягодицами, неустанно подпрыгивали и приземлялись, подпрыгивали и приземлялись. Глупые животные и не пытались свернуть. Они привыкли уходить от естественной опасности за счет скорости. Но равнодушная машина быстро настигала их.

По лицу Андрея больно ударили песчинки, вылетающие из-под копыт сайгаков. Он зажмурил слезящиеся глаза и ехал почти наугад.

Майор перезаряжал ружье и не прицеливаясь палил вперед. Вот, один из сайгаков будто споткнулся, неловко боком повалился вниз, по инерции бороздя землю и поднимая столб пыли. Автомобиль тут же с хрустом переехал через него.

– Не останавливаться! Потом соберем! – восторженно крикнул майор и продолжил стрельбу по животным.

Звук ломающихся под колесами ребер неприятно скребанул Андрея где-то внутри под самым сердцем, но он продолжал послушно давить на газ. Машина уже догнала сайгаков и ехала практически среди растянувшегося стада. Поток воздуха насытился запахом потных шкур. Животные впереди падали то ли от выстрелов, то ли от усталости, с разгона кувыркались, ломая шеи, и зачастую попадали под колеса. Сколько их упало, Андрей уже не мог сказать. Каждая живая кочка и хруст костей, отдавались новым толчком боли в висках.

Но майор продолжал перезаряжать ружье и стрелять.

– Всех не найдем. Подранки могут в сторону уйти, – как бы чувствуя немой вопрос Андрея, крикнул Петелин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.